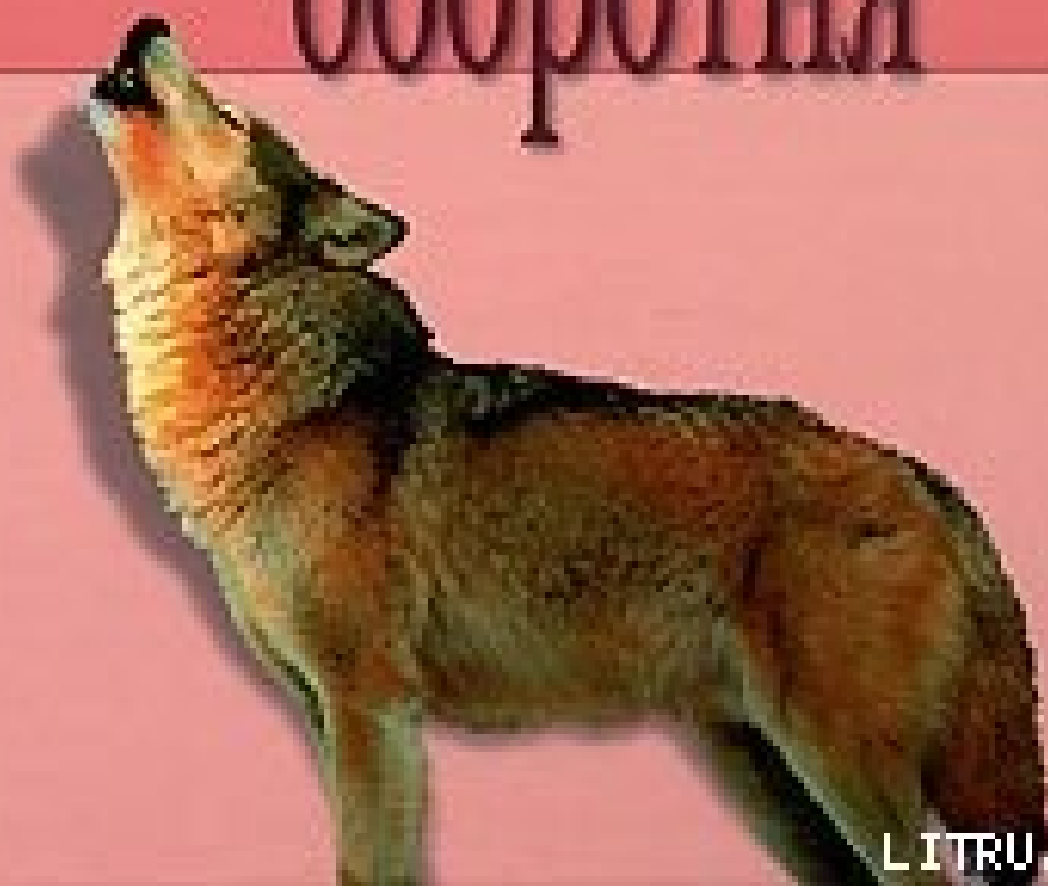

ВИКТОР

ПЕЛЕВИН

Священная
книга
оборота

Настоящий текст, известный также под названием «А Хули», является неумелой литературной подделкой, изготовленной неизвестным автором в первой четверти XXI века. Большинство экспертов согласны, что интересна не сама эта рукопись, а тот метод, которым она была заброшена в мир. Текстовый файл, озаглавленный «А Хули», якобы находился на жестком диске портативного компьютера, обнаруженного при «драматических обстоятельствах» в одном из московских парков. О срежиссированности этой акции свидетельствует милицкий протокол, в котором описана находка. Он, как нам представляется, дает неплохое представление о виртуозных технологиях современного пиара.

Виктор ПЕЛЕВИН

СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ

Комментарий эксперта

Настоящий текст, известный также под названием «А Хули», является неумелой литературной подделкой, изготовленной неизвестным автором в первой четверти XXI века. Большинство экспертов согласны, что интересна не сама эта рукопись, а тот метод, которым она была заброшена в мир. Текстовый файл, озаглавленный «А Хули», якобы находился на хард-диске портативного компьютера, обнаруженного при «драматических обстоятельствах» в одном из московских парков. О срежиссированности этой акции свидетельствует милицейский протокол, в котором описана находка. Он, как нам представляется, дает неплохое представление о виртуозных технологиях современного пиара.

Протокол подлинный, все печати и подписи на нем присутствуют, хотя неизвестно точное время его составления – верхняя часть заглавного листа с датой срезана при брошюровке и подшивке протокола в папку перед отправкой на хранение в конце календарного года, как требует служебная должностная инструкция. Из протокола следует, что интерес сотрудников милиции был вызван странными явлениями природы в Битцевском парке Южного административного округа города Москвы. Граждане наблюдали над деревьями голубоватое свечение, шаровые молнии и множество пятицветных радуг. Некоторые из радуг были шарообразными (по показаниям свидетелей происшествия, цвета в них как бы просвечивали друг сквозь друга).

Эпицентром аномалии был обширный пустырь на границе парка, где расположен трамплин для прыжков на велосипеде. Рядом с трамплином обнаружены полурасплавленная рама от велосипеда «Canondale Jekyll 1000» и остатки колес. Трава в радиусе десяти метров вокруг трамплина выжжена, причем выгоревшее пятно имеет форму правильной пятиконечной звезды, за границами которой трава не пострадала. Рядом с велосипедной рамой найдены предметы женской одежды: джинсы, пара кроссовок, трусики типа «неделька» со словом «Воскресенье» и майка с вышитой на груди надписью «скиф».

Если судить по фотографиям из протокола, третья буква этого слова больше похожа на кириллическое «И», чем на латинское «U». Можно предположить, что перед нами не анаграмма «fuck», как утверждает в своей монографии М. Лейбман, а слово «скиф». Это подтверждает строка «да, азиаты мы» на спине футболки – несомненная аллюзия на стихотворение А. Блока «Скифы», которого М. Лейбман, судя по всему, не читал.

Среди предметов одежды находился рюкзак с портативным компьютером, о котором уже говорилось в протоколе. Все эти вещи не пострадали, и на них не обнаружено следов огня, что свидетельствует – они были подброшены на место происшествия уже после того, как на траве было выжжено звездообразное пятно. По факту данного события уголовного дела возбуждено не было.

Судьба находившегося (якобы) на хард-диске текста хорошо известна – сначала он имел хождение в кругах оккультных маргиналов, а затем был издан в качестве книги. Оригинальное название текста показалось непристойным даже нынешним барышникам от книготорговли, поэтому при издании он был переименован в «Священную Книгу Оборотня».

Этот текст не заслуживает, конечно, серьезного литературоведческого или критического анализа. Тем не менее отметим, что в нем просматривается настолько густая сеть заимствований, подражаний, перепевов и аллюзий (не говоря уже о дурном языке и редкостном инфантилизме автора), что вопроса о его аутентичности или подлинности перед серьезным специалистом по литературе не стоит, и интересен он исключительно как симптом глубокого духовного упадка, переживаемого нашим обществом. А псевдовосточная поп-метафизика,

шапочным знакомством с которой автору не терпится похвалиться перед такими же унылыми неудачниками, способна вызвать у серьезных и состоявшихся в жизни людей разве что сострадательную улыбку. Хочется уверить москвичей и гостей столицы, что чистота и порядок в Битцевском парке поддерживаются на должном уровне и московская милиция днем и ночью охраняет покой и безопасность прогуливающихся. А самое главное, друзья – чтобы в вашей жизни всегда нашлось место радостной песне!

Тенгиз Кокоев,

майор, начальник О/М «Битца-центр»

Майя Марачарская, Игорь Кошкодавленко

кандидат филологических наук

Пелдис Шарм,

ведущий телепрограммы «Караоке о Главном»

Священная книга оборотня

*В чистом безветрии звездных пространств
Много у Господа светлых убранств.*

Неизвестный источник

*Кто твой герой, Долорес Гейз?
Супермен в голубой пелерине?
О, дальний мираж, о, пальмовый пляж!
О, Кармен в роскошной машине!*

Гумберт Гумберт

Клиент, на которого меня нацелил бармен Серж, ждал в Александровском баре «Националя» в семь тридцать вечера. Было уже семь сорок, а такси еле ползло, перемещаясь из одной пробки в другую. Я даже готова была поверить, что у меня есть душа – так муторно на ней было.

– I want to be forever young [\[1\]](#), – в который раз пропел по радио Alfaville.

Мне б твои проблемы, подумала я. И тут же вспомнила о своих.

Вообще-то я о них думаю редко. Я только знаю, что они хранятся где-то там, в черной пустоте, и к ним в любой момент можно вернуться. Убедиться лишний раз, что решения у них нет. Если поразмыслить над этим, приходишь к интересным выводам.

Допустим, я решу их. Что тогда? Они просто исчезнут – то есть уплывут навсегда в то самое небытие, где и так хранятся большую часть времени. Будет только одно практическое следствие – мой ум перестанет вытаскивать их из этой черной пустоты. Так не состоят ли мои неразрешимые проблемы единственно в том, что я про них думаю, и не создаю ли я их заново в тот момент, когда про них вспоминаю?

Самая смешная из моих проблем – мое имя. Она возникает у меня только в России. Но, поскольку я здесь живу, приходится признать, что это очень реальная проблема.

Меня зовут А Хули.

Раньше, при старой орфографии, была возможность хоть на письме уйти от непотребства. Я

записывала свое имя «А Хули». На печати, которую мне подарил в тринадцатом году один петербургский меценат, знавший тайну, оно слито в два знака:

Это интересная история. Первая печатка, которую он для меня заказал, была вырезана на рубине, и все пять букв были совмещены в один символ:

Он подарил мне этот рубин, когда мы катались на яхте в Финском заливе, и я бросила его в воду, как только рассмотрела. Он побледнел и спросил, отчего я его ненавижу. Не потому, конечно, что правда думал, будто я его ненавижу. Просто в ту эпоху в моде были театральные движения души, из-за чего, кстати, случились Первая мировая война и русская революция.

Я объяснила, что все буквы можно наложить друг на друга и разместить на небольшом камне, получится недорого, но тогда непонятно, какая из букв первая. Через день был готов второй вариант, на продолговатом опале – «с таинственным и сумасбродным «АХ», как изящно заметил меценат в стихотворении, приложенном к подарку.

Вот какие люди жили раньше в России. Впрочем, я подозреваю, что он не сам написал стихотворение, а заказал его поэту Кузмину, поскольку после революции ко мне несколько раз приходили накокаиненные пидоры из чрезвычайки и искали какие-то брильянты. Потом мою квартиру на Итальянской улице уплотнили слесарями и прачками, а у меня самой отняли последнюю опору самоуважения, букву «і». Поэтому коммунистов я не любила с самого начала, еще с тех дней, когда им верили многие светлые умы.

Мое имя на самом деле очень красивое и не имеет никакого отношения к своему русскому смыслу. «А Хули» по-китайски означает «лиса А». По аналогии с русскими именами можно сказать, что «А» – это мое имя, «Хули» – фамилия. Что я могу сказать в свое оправдание? Меня так звали еще тогда, когда слов «а хули» вообще не было в русском языке, и самого русского языка тоже.

Кто мог подумать в те дни, что моя благородная фамилия станет когда-нибудь бранным словом? Имени, кстати, тоже достается, даром, что одна буква. Идешь по улице, видишь очередь и вздрагиваешь: А? Х...й на. *Альфа-банк экспресс*. Впрочем, говорил же Людвиг Витгенштейн, что в мире есть только имена. Обижаться не на кого.

Мы, лисы, счастливые существа, поскольку у нас короткая память. Мы ясно помним только последние десять-двадцать лет, а все, что было раньше, спит в черной пустоте, о которой я уже говорила. Но оно не исчезает совсем. Прошлое для нас – как темная кладовая, из которой мы можем при желании извлечь любое воспоминание, что достигается особого рода усилием воли, довольно мучительным. Это делает нас интересными собеседницами. Мы многое можем сказать почти по любому поводу; кроме того, мы знаем все главные мировые языки – было время выучить. Но мы не расчесываем болячку памяти без необходимости, и повседневный поток мыслей у нас практически такой же, как у людей. То же касается и нашей рабочей личности – она делает лису неотличимой от бесхвостой обезьяны.

Многие не понимают, как такое может быть. Попробую объяснить. В каждой культуре принято связывать особенности внешности с определенными чертами характера. Прекрасная принцесса добра и сострадательна; злобная колдунья уродлива, и на носу у нее огромная бородавка. Есть и более тонкие связи, которые не так просто сформулировать – именно вокруг них строится искусство живописного портрета. Со временем эти связи меняются, поэтому красавицы одной эпохи часто вызывают у другой недоумение. Так вот, если сказать просто, личность лисы – это тот человеческий тип, с которым у среднего представителя текущей эпохи ассоциируется ее внешность.

Каждые лет пятьдесят или около того мы подбираем под свои неизменные черты новый симулякр души, который предъявляем людям. Поэтому с человеческой точки зрения внутреннее у нас в любой момент тождественно внешнему на сто процентов. Другое дело, что оно не тождественно настоящему, но кто ж это поймет? У большинства людей настоящего нет вообще, а есть только это внешнее и внутреннее, две стороны одной монеты, которую, как человек искренне верит, где-то действительно положили на его счет.

Знаю, звучит странно, но все именно так: чтобы угодить современникам, мы подгоняем себе под личико новое «я», совсем как сшитое по другой моде платье. Прежние отправляются в чулан, и вскоре нам уже надо напрягаться, чтобы вспомнить, какими мы были раньше. А живем мы веселыми пустяками, забавными скоротечностями. Мне кажется, это своего рода эволюционный механизм, задачей которого было облегчить нам мимикрию и маскировку. Ведь лучшая мимикрия – когда становишься похож на других не только лицом, но и ходом мыслей. Впрочем, мимикрия это только для лис. Для человека это судьба.

На вид мне можно дать от четырнадцати до семнадцати – ближе к четырнадцати. Мой физический облик вызывает у людей, особенно мужчин, сильные и противоречивые чувства, которые скучно описывать, да и нет нужды – «Лолиту» в наше время читали даже лолиты. Эти чувства меня и кормят. Вероятно, можно сказать, что я кормлюсь мошенничеством: на самом деле я совсем не малолетка. Для удобства я определяю свой возраст в две тысячи лет – их я могу вспомнить более-менее связно. Это можно считать кокетством – на самом деле мне значительно больше. Истоки моей жизни теряются очень далеко, и припомнить их так же трудно, как осветить фонариком ночное небо. Мы, лисы, не рождались, подобно людям. Мы происходим от небесного камня и состоим в отдаленном родстве с самим Сунь-у-Куном, героем «Путешествия на Запад» (впрочем, не стану утверждать, что все так и есть – никаких личных воспоминаний об этой баснословной поре у меня не осталось). В те дни мы были другими. Я имею в виду, внутренне, а не внешне. Внешне мы с возрастом не меняемся – если не считать того, что каждые сто восемь лет у нас в хвосте появляется новый серебряный волосок.

Я не оставила в истории такого заметного следа, как другие представители моего рода. Тем не менее я упомянута в одном из памятников мировой литературы, и про меня можно прочесть даже по-русски. Для этого надо зайти в магазин «Академкнига», купить книгу Гань Бао «Записки о поисках духов» и найти в ней историю о том, как во времена Поздней Хань наместник Сихая искал сбежавшего начальника охраны. Наместнику сказали, что того увела нечисть, и на поиски пропавшего был послан военный отряд. Дальнейшее (я ношу с собой этот листок как талисман) я до сих пор не могу читать без волнения:

«...наместник с несколькими десятками пеших и конных, захватив охотничьих собак, стал рыскать за стенами города, выслеживая беглеца. И в самом деле Сяо был обнаружен в пустом могильном склепе. Оборотень же, услышав голоса людей и собак, скрылся. Люди, посланные Сянем, привели Сяо назад. Обликом он совершенно уподобился лисицам, человеческого в нем почти ничего не осталось. Мог только

бормотать: «А-Цзы!» (А-Цзы – это кличка лисы.) Дней через десять он постепенно начал приходить в разум и тогда рассказал:

– Когда лисица пришла в первый раз, в дальнем углу дома между куриных насестов появилась женщина, красивая собой. Назвавшись А-Цзы, она стала манить меня к себе. И так было не один раз, пока я, сам того не ожидая, последовал ее призыву. Тут же она стала моей женой, и в тот же вечер мы оказались в ее доме... Встречу с собаками не помню, но рад был как никогда.

– Это горная нечисть, – определил даос-гадатель.

В «Записках о прославленных горах» говорится: «Лиса в глубокой древности была развратной женщиной, и имя ей было А-Цзы. Потом она превратилась в лисицу».

Вот почему оборотни этого рода по большей части называют себя А-Цзы».

Я помню этого человека. Его голова была похожа на желтое яйцо, а глаза казались двумя наклеенными на это яйцо бумажками. Он не совсем точно передал историю нашего романа, да и повествователь заблуждается, говоря, что меня звали А-Цзы. Начальник охраны называл меня «А», по имени, а «Цзы» получилось из звука, который он стал произвольно издавать, когда его жизненность пришла в упадок: во время разговора он с шумом всасывал воздух, словно стараясь притянуть на место отвисшую нижнюю челюсть. Кроме того, неправда, что я когда-то была развратной женщиной, а потом превратилась в лису – такого, насколько я знаю, вообще не бывает. Но все равно, перечитывать этот отрывок древнекитайской прозы для меня так же волнительно, как для старой актрисы – глядеть на самую раннюю из сохранившихся фотографий.

Почему меня зовут «А»? Один книжник-конфуцианец с наклоном к мальчикам, который знал, кто я такая, но все равно прибегал к моим услугам до самой своей смерти, придумал интересное объяснение. Мол, это самый короткий звук, который может издать человек, когда ему перестают повиноваться мышцы горла. Действительно, некоторые люди, на которых я насылаю морок, успевают произнести нечто вроде сдавленного «А-а...». Этот конфуцианец даже написал мне дарственную каллиграфию – она начиналась со слов «А Хули ива над ночной рекой...».

Кому-то может показаться, что жить в России и называться А Хули – довольно грустная судьба. Примерно как жить в Америке и зваться Whatze Phuck. Да, имя окрашивает мою жизнь в угрюмые тона, и какой-нибудь из внутренних голосов всегда готов спросить – а х... ты ждала от жизни, А Хули? Но это, как я уже сказала, самая мелкая из моих забот, даже не забота, поскольку работаю я под псевдонимом, а скорее что-то юмористическое – правда, из области черного юмора.

Работать проституткой мне тоже не в тягость. Моя сменщица из «Балчуга» Дуня (известная там как Адюльтера) однажды так определила, чем проститутка отличается от приличной женщины: «Проститутка хочет иметь с мужчины сто долларов за то, что сделает ему приятно, а приличная женщина хочет иметь все его бабки за то, что высосет из него всю кровь». Я не до конца согласна с этим радикальным мнением, но зерно истины в нем есть: нравы в сегодняшней Москве такие, что, если перевести выражение «по любви» с гламурно-щучьего на юридический, получится «за сто тысяч долларов с геморроем». Стоит ли обращать внимание на мнение общества, в котором господствует подобная мораль?

У меня есть проблемы посерьезней. Например, совесть. Но об этом я буду думать в какой-нибудь другой пробке, а сейчас мы уже подъезжаем.

Цилиндр – это кастовый знак, указывающий на принадлежность к элите, как бы мы к ней ни относились. И если у входа в гостиницу тебя встречает человек в цилиндре и, низко кланяясь, распахивает перед тобой дверь, тем самым тебя поднимают на такую социальную высоту, что это накладывает серьезные финансовые обязательства перед людьми, которым не так повезло в жизни.

Что сразу отражается в меню. Сев за столик у бара, я углубилась в дринк лист, пытаюсь найти свою нишу среди сорокадолларовых виски и шестидесятидолларовых коньяков (это за сорок-то грамм!). Названия лонг-дринков складывались в остросюжетную повесть: Tekila Sunrise, Blue Lagoon, Sex on the Beach, Screwdriver, Bloody Mary, Malibu Sunset, Zombie ^[2]. Готовая заявка на фильм.

Но я заказала коктейль под названием Rusty Nail ^[3] – не в честь надвигающейся встречи, как мог бы подумать человек с психоаналитическим складом ума, а из-за непонятого Drambuie, которое входило в его состав вместе со скотчем. В жизни каждый день надо узнавать что-то новое. Кроме того, меню было на двух языках, и по-русски этот коктейль назывался «Расти Наил». Трогательный такой Наил, растет себе где-то в Жмеринке, строит большие планы и не подозревает, что после эмиграции дорога ему одна – в ржавые гвозди... Еще одна заявка: история руссо-американца, уехавшего к огням великой мечты, но попавшего vProzak. И почему я не в кинобизнесе?

В баре сидели две мои соратницы – Карина из бывших моделей и транссексуалка Нелли, которая перешла сюда из гостиницы «Москва» после ее закрытия. Несмотря на то что Нелли недавно стукнул полтинник, дела у нее шли очень даже ничего. Вот и сейчас она окучивала какого-то галантного скандинава, а Карина в одиночестве дотягивала уже не первую сигарету, это было видно по перемазаным помадой окуркам в пепельнице. Я до сих пор окончательно не поняла, почему так происходит, но происходило это постоянно – Нелли, уродина с комсомольским прошлым, делала больше бабок, чем молодые девочки с модельной внешностью. Причины могли быть разными:

1) западный человек, с молоком впитавший идеалы женского равноправия, не способен отвергнуть женщину из-за возраста или внешнего несовершенства, поскольку в первую очередь видит в ней человека.

2) удовлетворять половую потребность при помощи фотомодели означает для мыслящего западного человека пойти на поводу у идеологов потребительского общества, а это пошло.

3) западный человек ставит социальный инстинкт настолько выше биологического, что даже в таком интимном деле, как секс, заботится прежде всего о наименее конкурентоспособных участниках рыночных отношений.

4) западный человек полагает, что уродина обойдется дешевле и после часа позора останется больше денег на рассрочку по «Ягуару».

Как и велел бармен Серж, я даже не глядела в его сторону. У них в «Национале» все стучат на всех, поэтому вести себя надо осторожно. К тому же Серж в эту минуту был мне малоинтересен, меня больше занимал клиент.

В баре на эту должность было два кандидата: похожий на шоколадного зайца сикх в темно-синем тюрбане и мужчина средних лет в тройке и золотых очках. Оба сидели в одиночестве – очкастый пил кофе, разглядывая сквозь стеклянную крышу четырехугольник двора, а сикх читал «Financial Times», покачивая носком лакированной туфли в такт пианисту, мастерски перегонявшему культурное наследие девятнадцатого века в звуковые обои. Играла прелюдия Шопена, «Капли дождя», та самая вещь, которую исполняет злодей в фильме «Moonraker» при

появлении Бонда. Я обожала эту музыку. Ах, не зря Софья Андреевна Толстая, работавшая в последние годы жизни над опровержением «Крейцеровой сонаты», собиралась назвать свой труд «Прелюдии Шопена»...

Лучше бы тот в очках, подумала я. Он явно на «Ягуар» не копит, у него уже есть. Для таких все приключение в том, чтобы потратить деньги, они от этой транзакции возбуждаются больше, чем от всего остального, которого вообще может не быть, если напоить как следует. А вот сикх – серьезная нагрузка.

Я улыбнулась очкарику, и тот улыбнулся в ответ. Вот и славно, уже подумала я, и тут сикх сложил свою финансовую газету, встал и пошел к моему столу.

– Lisa? – спросил он.

Это был мой сегодняшний псевдоним.

– That's right, – радостно ответила я.

А что делать.

Он сел напротив и сразу принялся ругать местную кухню. Английский у него был очень хороший, не такой, как обычно бывает у выходцев из Индии, – настоящее оксфордское произношение, которое своей сухостью чуть напоминает русский акцент. Вместо «fucking» он, словно бойскаут, говорил «freaking», что звучало смешно, поскольку он вставлял это слово в каждое второе предложение. Возможно, браниться ему запрещала религия, был в сикхизме такой пунктик. По профессии он оказался портфельный инвестор, и я еле удержалась от вопроса, где его портфель. Портфельные инвесторы не любят таких шуток. Я это знаю, поскольку каждый третий мой клиент в «Национале» – портфельный инвестор. Не то чтобы в «Национале» было так много портфельных инвесторов, просто я очень юно выгляжу, а каждый второй портфельный инвестор – педофил. Я их не люблю, скажу честно. Это профессиональное.

Он начал с крайне старомодных комплиментов – дескать, не верит в свою удачу, и я похожа на девушку его мечты из голубого детского сна, так он и сказал. И еще что-то в этом роде. Затем он захотел увидеть мой паспорт – убедиться в моем совершеннолетии. К таким просьбам я привыкла. Паспорт у меня был – заграничный и, естественно, фальшивый, на имя «Алиса Ли». Это я сама придумала – с одной стороны, распространенная корейская фамилия, подходит к моему азиатскому личику. А с другой – как бы намек: «Алиса ли?» Сикх пролистал его очень внимательно – видимо, боялся за свое доброе имя. По паспорту мне было девятнадцать.

– Хотите выпить? – спросил он.

– Я уже заказала, – ответила я. – Сейчас принесут. Скажите, а вы всем девушкам так говорите – про голубой детский сон?

– Нет, только вам. Я такого раньше не говорил ни одной девушке.

– Понятно. Я тогда вам тоже скажу одну вещь, которую до этого не говорила ни одному мужчине. Вы похожи на капитана Немо.

– Из «Восемьдесят тысяч лье под водой»?

Ого, подумала я, какой начитанный портфельный инвестор.

– Нет, из американского фильма «Общество выдающихся джентльменов». Там был похожий на вас выдающийся джентльмен. Бородатый подводный каратист в синем тюрбане.

– Что, фильм по Жюль Верну?

Мне принесли коктейль. Он оказался маленьким – всего шестьдесят грамм.

– Нет, в нем собрали вместе всех суперменов девятнадцатого века – Капитана Немо, человека-невидимку, Дориана Грея и так далее.

– Да? Оригинально.

– Ничего оригинального. Экономика, основанная на посредничестве, порождает культуру, предпочитающую перепродавать созданные другими образы вместо того, чтобы создавать

новые.

Я слышала эту фразу от одного левого французского кинокритика, который кинул меня на триста пятьдесят евро. Не то чтобы я была с ним полностью согласна, просто каждый раз, когда я повторяла эти слова в разговоре с клиентом, мне казалось, что кинокритик отрабатывает несколько условных единиц. Но для сикха это было слишком.

– Простите? – наморщился он.

– Короче, удивительно похожий на вас персонаж был этот Немо. Усы, борода... Он еще на своей подводной лодке молился богине Кали.

– Тогда вряд ли между нами много общего, – улыбнулся он. – Я не поклоняюсь богине Кали.

Я сикх.

– Я очень уважаю сикхизм, – сказала я. – Мне кажется, это одна из самых совершенных религий в мире.

– Вам известно, что это такое?

– Да, конечно.

– Слышали, наверно, что сикхи – это такие бородачи в тюрбанах? – засмеялся он.

– Меня в сикхизме привлекают не его внешние атрибуты. Меня восхищает его духовная сторона, особенно бесстрашие перехода от опоры на живых учителей к опоре на книгу.

– Но ведь так же обстоит и во многих других религиях, – сказал он. – Просто у нас вместо Корана или Библии – Гуру Грант Сахиб.

– Но нигде больше к книге не обращаются как к живому наставнику. Кроме того, нигде нет такой революционной концепции Бога. Меня больше всего поражают две черты, которые радикально отличают сикхизм от всех остальных религий.

– Какие же?

– Во-первых, признание того факта, что Бог создал этот мир вовсе не с какой-то возвышенной целью, а исключительно для своего развлечения. На такое никто до сикхов не отваживался. И, во-вторых, богонаходительство. В отличие от других систем, где есть только богоискательство.

– А что это такое – богоискательство и богонаходительство?

– Помните эту апорию с казнью на площади, которая часто приводится в комментариях к сикхским священным текстам? Кажется, она восходит к гуру Нанак, но полной уверенности у меня нет.

Сикх выпучил коричневые глаза и сразу сделался похож на рака.

– Представьте себе базарную площадь, – продолжала я. – В ее центре стоит окруженный толпой эшафот, на котором рубят голову преступнику. Довольно обыкновенная для средневековой Индии картина. И для России тоже. Так вот, богоискательство – это когда лучшие люди нации ужасаются виду крови на топоре, начинают искать Бога и в результате через сто лет и шестьдесят миллионов трупов получают небольшое повышение кредитного рейтинга.

– О да, – сказал сикх. – Это огромное достижение вашей страны. Я имею в виду улучшение кредитного рейтинга. А что такое богонаходительство?

– Когда Бога находят прямо на базарной площади, как сделали учителя сикхов.

– И где же он?

– Бог в этой апории является казнящим и казимым, но не только. Он является толпой вокруг эшафота, самим эшафотом, топором, каплями крови на топоре, базарной площадью, небом над базарной площадью и пылью под ногами. И, разумеется, он является этой апорией и – самое главное – тем, что сейчас ее слышит...

Я не уверена, что такой пример можно назвать апорией, поскольку в нем нет неразрешимого противоречия – хотя, может быть, оно как раз в том, что Бога находят посреди

крови и ужаса. Но у сикха этот термин не вызвал возражений. Он выпучил глаза еще сильнее и стал похож не просто на рака, а на такого рака, который догадался наконец, почему вокруг стоят эти огромные пивные кружки. Пока он размышлял над моими словами, я спокойно допила коктейль – что такое Drambuie, мне так и не стало ясно. Сикх, надо сказать, выглядел живописно – он словно бы балансировал на границе озарения, и легкого внешнего толчка могло хватить, чтобы неустойчивое равновесие его рассудка сместилось.

Так оно и вышло. Как только мой стакан коснулся стола, он пришел в себя. Достав из бумажника карточку «Diners Club Platinum» с голографическим Че Геварой, он постучал ей по столу, подзывая официанта. Потом положил руку мне на ладонь и прошептал:

– А не пора ли в номер?

* * *

Название «Националь» предполагает репрезентацию национального вкуса. В России он эклектичный, что и отражает обстановка: ковер на лестнице покрыт классическими королевскими лилиями, витражи в окнах – модерн, а в подборе картин на стенах вообще трудно обнаружить какой-нибудь принцип. Церкви, букеты цветов, лесные чащи, крестьянские старушки, сцены из версальского быта, среди которых вдруг мелькнет Наполеон, похожий на синего попугая с золотым хвостом...

Впрочем, это только с первого взгляда между картинами нет ничего общего. На самом деле их объединяет главная художественная особенность – они продаются. Как только вспоминаешь об этом, становится видно удивительное стилистическое единство интерьера. Больше того, понимаешь, что нет никакой абстрактной живописи, а только конкретная. Глубокая мысль, я даже хотела записать ее, но при клиенте было неловко.

Мы остановились у стеклянной двери в номер триста девятнадцать, и сикх, знойно улыбнувшись, вставил в замок ключ-карточку. У него был номер VIP – такие здесь стоят долларов шестьсот в сутки. За двойной дверью была маленькая бизнес-гостиная: полосатый диван с высокой спинкой, два кресла, факс и принтер, пальма в кадке и шкафчик с антикварной посудой. Из окна открывалась панорама улицы, с которой виден Кремль. Это категория «Б». Здесь есть еще категория «С» – когда из окна видна улица, с которой видна другая улица, с которой виден Кремль.

– Где ванная? – спросила я.

Сикх принялся развязывать галстук.

– Мы спешим? – спросил он игриво. – Вон там.

Я открыла дверь, на которую он указал. За ней была спальня. Почти все пространство занимала огромная двуспальная кровать, а в углу комнаты была маленькая дверь в ванную, которую я даже не сразу заметила. Все правильно, размеры вещей должны быть пропорциональны месту, которое они занимают в жизни. Номер приближался к идеальному, поскольку был структурирован в точности как VIP-жизнь. Работе соответствовала бизнес-гостиная – получил факс, отправил факс, посидел на полосатом диванчике, поглядел на пальму в кадке, а если пальма надоела, повернул голову и глядишь на посуду в шкафчике. Личной жизни соответствовала спальня с кроватью во всю комнату: принял снотворное и спать. Ну или как сейчас.

Войдя в ванную, я включила душ и стала готовиться к работе. Это было нетрудно – я просто чуть приспустила штаны и высвободила хвост. Воду я включила для маскировки.

Я чувствую, что дошла до точки, где необходимы некоторые пояснения, иначе мое

повествование будет звучать диковато. Поэтому мне придется сделать паузу и сказать о себе несколько слов.

У лис нет пола в строгом смысле, и если про нас говорят «она», это в силу внешнего сходства с женщинами. На самом деле мы подобны ангелам, то есть у нас нет репродуктивной системы. Мы не размножаемся, потому что не стареем и можем жить до тех пор, пока нас что-нибудь не убьет.

Если описать нашу внешность, тело у нас тонкое и стройное, без капли жира, с великолепной рельефной мускулатурой – как бывает у некоторых спортивных подростков. Волосы огненно-рыжего цвета, тонкие, шелковистые и блестящие. Рост у нас высокий, и в древние времена это нас часто выдавало, но сейчас люди стали выше, и мы совершенно не выделяемся среди них по этому признаку.

Хоть пола в смысле способности к воспроизводству у нас нет, все его внешние признаки присутствуют – за мужчину лису не примешь. Нормальные женщины обыкновенно считают нас лесбиянками. Что думают про нас лесбиянки, тоже понятно: «я сошла с ума, я сошла с ума...» И неудивительно. Даже самые красивые женщины рядом с нами кажутся грубыми заготовками – как наспех обтесанная глыба камня рядом с готовой скульптурой.

Грудки у нас небольшие, совершенной формы, с маленькими темно-коричневыми сосками. Там, где у женщины расположена главная фабрика грез, у нас нечто внешне похожее – орган-симулякр, о назначении которого я расскажу позже. Для деторождения он не служит. А сзади у нас хвост, пушистая гибкая антенна огненно-рыжего цвета. Хвост может становиться больше и меньше: в спящем состоянии он похож на пони-тэйл длиной в десять-пятнадцать сантиметров, а в рабочем – может вытянуться почти до метра длиной.

Когда лисий хвост увеличивается, рыжие волоски на нем тоже становятся гуще и длиннее. Это похоже на фонтан, напор которого увеличили в несколько раз (параллели с мужской эрекцией я бы проводить не стала). Хвост играет в нашей жизни особую роль, и не только из-за своей удивительной красоты. Я не зря назвала его антенной. Хвост – орган, с помощью которого мы создаем наваждения.

Как мы это делаем?

С помощью хвоста. И больше ничего тут не скажешь. Я не собираюсь утаивать правду, но к этому действительно трудно что-нибудь добавить. Разве человек, если он не ученый, может объяснить, как он видит? Или слышит? Или думает? Видит глазами, слышит ушами, а думает головой, вот и все. Так и мы – наводим морок хвостом. Ощущение от этого такое же простое и ясное, как в приведенных примерах. А объяснить механику происходящего в научных терминах я не берусь.

Что касается наваждений, то они могут быть разной природы. Здесь все зависит от личных качеств лисы, ее воображения, духовной силы и особенностей характера. Большую роль играет то, сколько человек должны увидеть наваждение одновременно.

Когда-то мы могли многое. Мы могли наводить иллюзии волшебных островов, показывать пляшущих в небе драконов тысячным толпам. Могли создавать видимость огромного войска, приближающегося к стенам города, и все горожане видели эту армию одинаково, вплоть до деталей экипировки и надписей на знаменах. Но это были великие, несравненные лисы древности, которые заплатили за свое чудотворство жизнью. А в целом наш род с тех пор сильно деградировал – наверно, из-за постоянной близости к людям.

У меня силы, конечно, совсем не те, что у великих лис. Скажем так, одного человека я могу заставить увидеть все что угодно. Двух? Почти всегда. Трех? Это уже зависит от обстоятельств. Здесь нет четких правил, и все решает ощущение: я чувствую свои возможности, примерно как скалолаз, стоящий у расщелины в горах. Он знает, где можно перепрыгнуть с одного края на

другой, а где нет. Если не допрыгнешь, сорвешься в пропасть – аналогия с нашим колдовством очень точная.

Лучше не пытаться выйти за свои границы, потому что наваждение, сила которого недостаточна, чтобы полностью подчинить чужое сознание, выдает нас с головой. Механизм происходящего сложен, но внешний результат всегда один – когда человек внезапно выходит из-под гипнотического контроля (соскакивает с хвоста, как мы говорим), с ним случается припадок с непредсказуемыми последствиями. Чаще всего он пытается убить лису, которая в этот момент совсем беззащитна.

Дело в том, что в нашем спорте есть одна пикантная особенность. В нерабочем состоянии наш хвостик совсем маленький, поэтому мы прячем его между ног. Чтобы антенна заработала на полную мощность, ее нужно раскрыть. Для этого надо спустить штаны (или поднять юбку) и распушить хвост в огненно-рыжий шлейф. Сила внушения при этом возрастает во много десятков раз, и все серьезные вопросы решаются именно так.

Необходимость заголяться была бы чревата неловкими и двусмысленными ситуациями – но, на счастье лис, здесь есть одно удобное обстоятельство. Если успеть заголиться достаточно быстро, реципиент забудет все, что видел. Существует как бы зона сумрака, десяток-другой выпадающих из памяти секунд, за которые мы должны успеть осуществить этот маневр. То же самое бывает и при обмороке – придя в себя, человек не помнит случившегося непосредственно перед приступом.

Ну и последнее, что мне следует сказать. Мы питаемся обычной пищей (довольно близко к диете Аткинса). Но кроме этого мы в состоянии напрямую усваивать человеческую сексуальную энергию, которая выделяется во время акта любви – реального или воображаемого. И если обычная пища просто поддерживает химическое равновесие нашего тела, то сексуальная энергия похожа на главный витамин, который делает нас обворожительными и вечно юными. Вампиризм? Не уверена. Мы ведь просто подбираем то, чем разбрасывается неразумный человек. И если своей расточительностью он доводит себя до смерти, стоит ли обвинять нас?

В некоторых книгах про лис пишут, что они не моются – мол, так их и узнают. Это не потому, что мы грязнули. Просто избыток сексуальной энергии пропитывает нас бессмертной природой изначальной основы, и наше тело очищается само за счет вдыхаемой утренней свежести. А легкий запах, который оно источает, чрезвычайно приятен и напоминает одеколон «Essenza di Zegna», только прозрачнее, легче и без этого жаркого чувственного мистрала на дальнем заднем плане.

Теперь, надеюсь, мои действия станут яснее. Итак, я включила воду, чтобы клиент слышал ее шум, потом расстегнула штаны и чуть спустила их, высвободив хвост. Затем, стараясь не спешить, сосчитала до трехсот (пять условных минут) и открыла дверь.

* * *

В популярных изложениях теории относительности часто предлагается сравнить, что снимут две камеры – одна в независимой системе координат, а другая на голове астронавта. В нашем случае правильнее было бы говорить «в голове». Что показала бы камера в голове сикха? Дверь ванной раскрылась, и в комнату шагнула девушка его мечты из голубого детского сна. Вокруг ее тела было обернуто ослепительно белое полотенце.

Выйдя из ванной, девушка подошла к кровати, откинула одеяло и спряталась под него, еле заметно покраснев: по всему было видно, что она в бизнесе недавно и еще не научилась профессиональному бесстыдству. Это увидел сикх.

Я не знаю, есть ли в номерах «Националя» камеры, установленные в независимой системе координат. Персонал уверяет, что нет. Но если бы они были, то показали бы следующее:

1) никакого полотенца на девушке не было. Она вообще не думала раздеваться, только чуть спустила штаны, над которыми торчал похожий на плюмаж хвост.

2) девушка не вошла в комнату, а вползла в нее на четвереньках, и ее хвост, качнувшись в воздухе, застыл над спиной рыжим вопросительным знаком.

3) она походила не столько на невесту, сколько на изготовившегося к прыжку зверя – ее зеленые глаза глядели зло и внимательно, и на лице не было даже тени улыбки.

4) поскольку слово «невеста» в современном русском языке означает нечто весьма близкое к выражению «изготовившийся к прыжку зверь», противопоставление здесь неуместно.

Увидев меня, сикх поднял брови и покачнулся. Когда человек попадает под гипноудар, по его лицу проходит словно бы тень тонкого отвращения, как при щелчке пули по черепу: если кто видел документальные съемки вьетнамских расстрелов, он поймет, о чем я говорю. Только после моей пули клиент не падает.

Улыбнувшись, сикх побрел к пустой кровати, по дороге стаскивая с себя пиджак. Дождавшись, пока он устроится на ней поудобнее, я села на стул рядом и раскрыла свою сумочку.

Я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием, поэтому избегаю смотреть на клиента после того, как начинается платное время. Даже рассказывать о том, что происходит с человеком во время свидания с лисой, стыдно. Стыдно прежде всего за человека, так как выглядит он ужасно. Ну и за себя немного неловко, поскольку с человеком все это происходит не просто так.

Я не желтая пресса, чтобы углубляться в скабрзные детали, поэтому скажу только, что человек ведет себя особенно неприглядно тогда, когда начинает воплощать в жизнь свои сексуальные фантазии. Его одиночество на ринге возводит эту непристойность в квадрат. Если же этот человек к тому же носит на голове синий тюрбан и настолько волосат, что его борода кажется растущей по всему телу, можно смело говорить не о квадрате, а о кубе.

Поддерживать наваждение значительно проще, чем создавать его, врываясь в чужой ум. Все решает первая секунда, дальше начинается рутина. Тем не менее, пока клиент находится в мире иллюзий, далеко отходить от него не следует, поскольку приходится выполнять функции сиделки. Смотреть же на пациента, как я уже объяснила, бывает тяжело. Поэтому я обыкновенно беру с собой книгу. Так было и на этот раз – устроившись рядом с кроватью, я открыла «Краткую историю времени» Стивена Хокинга, где написано много интересного о разных системах координат. Я несколько раз прочла эту книгу от корки до корки, но она до сих пор мне не надоела, и я каждый раз смеюсь так, будто читаю ее впервые. У меня даже есть подозрение, что это пост-модернистская забава, этакий розыгрыш. Даже само имя Stephen Hawking подозрительно напоминает другого автора ужастиков, которого зовут Stephen King. Только ужасы здесь иного рода.

Сикх оказался сравнительно смирным – он бормотал что-то на родном языке и елозил в самом центре кровати. Можно было не опасаться, что он упадет на пол. Все-таки я, как и положено сиделке, изредка поглядывала на больного. Когда ему надоело обнимать пустоту сверху, он принялся прижиматься к ней сбоку. Потом опять залез наверх.

К этому зрелищу трудно привыкнуть. У людей происходят мышечные спазмы, и клиент в эти минуты выглядит так, словно действительно лежит на невидимом теле. Весь его вес покоится на неловко подвернутых кистях, а иногда и пальцах. Специально человек и нескольких секунд не продержался бы в такой позе, а в трансе может находиться в ней часами. Но подобные феномены многократно описаны в литературе, посвященной гипнозу, и нобелевки мне за это

открытие не дадут. Да и не нужна мне людская слава. Мне от людей вообще ничего не нужно, кроме любви и денег.

Тот способ поддержания вечной юности, который открыт для меня на Всеобщем Пути Вещей, всегда казался мне немного постыдным, хотя обвинения в вампиризме я отвергаю. Никакого удовольствия от воровства чужой жизненной силы я не получаю и не получала. Морального удовольствия, я хочу сказать. Физиологический аспект здесь непобедим, но нравственной оценке он не подлежит: самый сострадательный к животным человек может с урчанием поедать на обед кровавый стейк, и противоречия здесь нет. Кроме того, в отличие от людей, которые убивают животных, я уже несколько веков никого не лишаю жизни. Сознательно, во всяком случае. Несчастные случаи бывают, но проведенная со мной ночь менее опасна, чем полет на российском вертолете в условиях средней видимости. Люди ведь летают на вертолетах в условиях средней видимости? Летают. Вот и я такой вертолет.

Кроме того, я не считаю, что забираю энергию у кого-то персонально. Человек, который ест яблоко, вовсе не вступает с этим яблоком в личные взаимоотношения, он следует установленному порядку вещей. Я рассматриваю свою роль в пищевой цепочке аналогично. Энергия, которая служит для зарождения жизни, не принадлежит людям. Вовлекаясь в акт любви, человек становится ее каналом, превращаясь из закупоренного сосуда в трубу, которая на несколько секунд соединяется с бездонным источником жизненной силы. Мне нужен только доступ к этому источнику, и все.

– А теперь ляг на животик, детка, – сказал сикх. – Пора заняться кое-чем посерьезнее.

Анальный секс – любимый спорт портфельных инвесторов. У этого есть простое психоаналитическое объяснение – достаточно сравнить тюремный жаргонизм «толкать говно» с выражением «вкладывать деньги», и все станет ясно. Я к анальному сексу отношусь положительно. При нем из мужского организма выбрасывается особенно много жизненной силы, и это лучшее время для сбора энергии.

Отложив книгу, я закрыла глаза и сделала обычную визуализацию – инь-ян, окруженный восемью пылающими триграммами. Затем я представила себя в виде черной половинки этого знака, а сикха – в виде белой. В центре черной половинки зажглась белая точка, а в центре белой – появилась такая же черная. Белая половинка стала темнеть, а черная светлеть, пока они не поменялись местами. Вся энергия ситуации теперь была у меня. На взгляд дилетанта это самый выгодный момент для расстыковки. Но я работаю только по методу «невеста возвращает серьгу» – как его поэтично назвали в Серединном Государстве лет шестьсот тому назад.

Если вы крадете чужую жизненную силу, важно не разгневать небо и духов своей жадностью. Поэтому я позволила ситуации войти в фазу переразвития. Поток энергии остановился, затем повернул назад. Моя визуализация стала быстро меняться: в центре светлой половинки инь-яна возникло черное пятнышко, а в темной появилось такое же белое. И только когда они стали отчетливо видны, я разорвала энергетическую связь и растворила визуализацию в пустоте.

После крупного выигрыша в казино не следует сразу уходить – лучше немного проиграть, чтобы не вызывать в людях злобы. То же и в нашем деле. В древние времена множество лис было убито исключительно из-за жадности. Тогда мы поняли – надо делиться! Небо не так хмурится, когда мы проявляем сострадание и отдаем часть жизненной силы назад. Это может показаться пустяком, но разница здесь – как между воровством и залоговым аукционом. Формально духам в этом случае карать не за что. А совесть все равно не обманешь, поэтому про нее можно не думать.

Поднявшись с кровати, сикх побрел в ванную. Вернувшись, он лег на спину, закурил сигарету и стал расслабленно рассказывать соседней подушке какую-то историю из жизни.

Мужчины после коитуса становятся словоохотливыми и добрыми примерно на полчаса, это связано с мозговым выбросом допамина, награждающего за выполненный долг. Я не особо слушала. Мне хотелось дочитать, как ведет себя черная дыра, когда из-за гравитационного коллапса ее диаметр становится меньше горизонта событий.

В этих астрофизических моделях мне чудился эротический подтекст, и у меня зрело убеждение, что Стивен Хокинг пишет не о физике, а о сексе – но не о жалком человеческом соитии, а о грандиозном космическом коитусе, от которого зародилась материя. Недаром ведь по-английски «большой взрыв» звучит так же, как «большой трах» – Big Bang. Все самое сокровенное во вселенной скрыто мраком черных дыр, но в сингулярность нельзя заглянуть, поскольку оттуда, как из спальни с выключенным торшером, не доходит свет... В сущности, думала я, астрофизики те же вуайеристы. Но вуайеристам иногда удается увидеть чужой акт любви в просвете между занавесками, а физики настолько обделены судьбой, что им приходится воображать абсолютно все, глядя в чернильную тьму...

Докурив и договорив, сикх снова принялся за дело – устроился на боку и надолго ушел в работу. Мерный скрип пружин убаюкивал. И я совершила самую глупую оплошность, на которую только способна лиса в рабочее время. Я заснула.

Я, собственно, только клюнула носом и сразу проснулась опять. Но этого было достаточно. Я почувствовала, что контакта с сикхом у меня нет. Подняв взгляд, я встретила его выпученные глаза. Он видел меня, видел как есть, сидящей на стуле со спущенными штанами и торчащим из-за спины хвостом. А такой меня не должен наблюдать никто, кроме зеркал и духов.

* * *

Я первым делом подумала, что передо мной даос-заклинатель. Эта мысль была предельно нелепой, потому что:

- 1) последний даос, умевший охотиться на лис, жил в восемнадцатом веке.
- 2) даже если кто-нибудь дотянул бы до нашего времени, он вряд ли сумел бы замаскироваться под бородатого сикха с оксфордским выговором – too freaking much.
- 3) поскольку я работаю по методике «невеста возвращает серьгу», у даосов нет формального права открывать на меня охоту.
- 4) даосы никогда не кончают три раза подряд.

Но наш генетический страх перед заклинателями нечисти очень силен, и в минуту опасности мы всегда думаем о них. Как-нибудь я расскажу пару историй об этих типах, тогда мои чувства станут понятнее.

Через секунду я поняла, что никакой это не даос, а просто мой клиент соскочил с хвоста. Зрелище было жуткое. Сикх открывал и закрывал рот, словно рыба на берегу. Потом, пытаясь подчинить себе непослушное тело, он поднял перед собой руки и стал сжимать и разжимать пальцы. Затем издал несколько хриплых стонов и вдруг резво вскочил на ноги.

Тут мое оцепенение прошло, и я кинулась в ванную. Сикх бросился за мной, но я успела запереть дверь перед его носом. В минуту опасности мой ум работает быстро; я сразу поняла, что надо делать.

В каждой ванной комнате «Националя» есть красно-белый шнурок, свисающей из дырочки в стене. Я не знаю, к чему он подключен, но если за него дернуть, через десять секунд в номере зазвонит телефон, а еще через минуту в дверь постучат. Я дернула сигнальный шнур и кинулась назад к двери.

Следующие несколько минут были довольно волнительны. Вздрагивая от толчков, я ждала

охрану и считала про себя, стараясь не спешить. Сикх бился в дверь изо всех сил, но мне удавалось сдерживать его без особого труда – мужчина он был некрупный.

Телефон зазвонил на двадцатой секунде. Сикх, естественно, к нему не подошел. Когда через минуту или две удары прекратились, я поняла, что в номере люди. Это было очень кстати – петли уже начинали выворачиваться. Донесся шум опрокидываемой мебели, звон выбитого стекла и неразборчивый крик, похожий на «кали ма!». Кричал сикх. Затем наступила тишина, которую нарушали только далекие гудки машин.

– Все, пиздец, – сказал мужской голос. – Не уберегли.

– Хорошо, сами убереглись, – сказал другой.

– Тоже верно, – ответил первый.

Лучше было дать о себе знать самой, чем дожидаться, пока меня найдут. Я жалобно позвала:

– Помогите!

Дверь открылась.

На пороге ванной стояли два шкафа – темные очки, костюмы, провода телесного цвета, спускающиеся из ушей... Просто культ агента Смита, подумала я. Кстати, была бы отличная религия для служб безопасности – ведь поклонялись римские легионеры Митре.

Один из охранников забормотал себе под нос – я разобрала только «триста девятнадцатый» и «вызов». Он обращался не ко мне.

Насколько я знаю, микрофон у них спрятан за лацканом пиджака, поэтому часто кажется, что они говорят сами с собой. Иногда это выглядит очень смешно. Один раз я видела, как такой громила осматривал женский туалет – распахивал двери в кабинки и говорил нараспев: «Здесь никого... Здесь тоже никого... Окно закрыто выступом стены...» Если б я не знала, в чем дело, могла бы решить, что он грустит о несостоявшейся встрече, отливая свою печаль в ямб.

– За шнур ты дергала? – спросил второй охранник.

– Я, – сказала я. – А где...

Охранник кивнул на запахнутое окно с выбитым стеклом.

– Вон там.

– Он что, – я сделала круглые глаза, – он...

– Да, – сказал охранник. – Как бешеный кинулся, когда нас увидел. Наркотики принимали?

– Какие наркотики? Я уже год здесь работаю. Меня все знают, проблем никогда не было.

– Появились. Чего он от тебя хотел?

– Я даже не поняла, – сказала я. – Хотел, чтобы я ему какой-то фистинг сделала. Я сказала, что не умею, тогда он стал... Ну, в общем, я спряталась в ванной и дернула сигнализацию. А остальное вы видели.

– Да уж. Документы с собой?

Я отрицательно покачала головой. Дашь таким паспорт, назад не получишь.

– Может, я пойду? Пока менты не приехали?

– Куда – пойду? С ума сошла? Ты главный свидетель, – сказал охранник. – Будешь показания давать, чем вы тут занимались.

Это в мои планы не входило. Я оценила ситуацию. Пока передо мной были всего двое, сохранялся шанс замять дело. Но с каждой секундой он уменьшался – я знала, что скоро народу здесь будет полная комната.

– Можно мне в туалет?

Охранник кивнул, и я вернулась в ванную. Действовать следовало быстро, поэтому я не колебалась ни секунды. Спустив штаны, я высвободила хвост, нагнулась и распахнула дверь. Я сделала это резко, и охранники немедленно повернули ко мне лица.

Я считаю, что человек лучше всего раскрывается в ту секунду, когда он уже заметил лисий хвост, но еще не попал под власть внушения. Обычно клиенту хватает времени показать свое отношение к увиденному. Этого достаточно, чтобы понять, с кем имеешь дело.

Ограниченные и пошлые неудачники кривят лицо в гримасу хмурого недоверия. Зато на лицах людей, у которых есть потенциал для внутреннего роста, отражается нечто похожее на удивленную радость.

Один из охранников наморщился. Второй выпучил глаза (видно было даже сквозь очки) и открыл рот, словно ребенок, который увидел обещанную фотографом птичку. Выглядело это очень мило.

Я не могла, конечно, совсем убрать свой отпечаток из их памяти – для этого надо стрелять из пистолета в голову. Я могла только поменять контекст воспоминания – и я внушила им, что они встретили меня в коридоре по пути в номер. Затем я заставила их войти в ванную. Как только за ними закрылась дверь, я подняла с пола книгу Стивена Хаукинга, кинула ее в сумочку, натянула штаны и выскочила в коридор.

На лестнице стоял еще один охранник. Увидев меня, он сделал мне знак подойти. Когда я приблизилась, он провел ладонью по моим ягодицам, заставив меня как можно плотнее вжать между ними хвостик. В другой ситуации он получил бы за это как минимум синячный щипок. Но сейчас было неясно, чем все закончится, и я предпочла шлепнуть его по руке. Он погрозил мне пальцем, а затем этот жест плавно перетек в другой: его большой и указательный пальцы соединились и потерлись друг о друга.

Я поняла. Обычно девушки вроде меня отдают сто долларов на выходе, но тут, в силу форс-мажорных обстоятельств, предлагалось осуществить расчет на месте. Я вынула из кошелька бенджаминку, которую охранник подцепил теми же пальцами, которые только что терлись друг о друга. В экономичности этого движения была своеобразная красота – погрозил, напомнил, взял. Ни одного лишнего сокращения мышц. Как говорил японский фехтовальщик Минамото Мусаси, мастера видно по стойке.

Спустившись по украшенной лилиями лестнице, я без приключений выбралась на улицу. Справа от выхода уже собралась толпа, в которой было несколько милиционеров – видимо, там лежал бедняжка сикх. Я пошла в другую сторону и через несколько шагов оказалась за углом. Теперь оставалось поймать такси. Оно остановилось почти сразу.

– Битца, – сказала я. – Конно-спортивный комплекс.

– Триста пятьдесят, – ответил шофер.

Сегодня у него был удачный день. Я прыгнула на заднее сиденье, захлопнула дверь, и такси повезло меня прочь от беды, которая еще пять минут назад казалась неотвратимой.

Мне не в чем было себя упрекнуть, но настроение у меня испортилось. Мало того, что погиб ни в чем не повинный человек. Я потеряла работу в «Национале» – соваться туда в обозримом будущем не следовало. Это значило, что мне придется искать другие виды заработка. Причем прямо с завтрашнего дня – средства были на исходе, и отданная охраннику сотка уже означала бюджетный дефицит.

Один мой знакомый говорил, что зло в нашей жизни могут победить только деньги. Это интересное наблюдение, хотя и не безупречное с метафизической точки зрения: речь надо вести не о победе над злом, а о возможности временно от него откупиться. Но без денег зло побеждает в течение двух-трех дней, это проверенный факт.

Я могла бы разбогатеть, если бы занималась плутовством. Но добродетельная лиса должна зарабатывать только проституцией и ни в коем случае не использовать свой гипнотический дар в других целях – это закон неба, нарушать который не дозволяется. Конечно, иногда приходится это делать. Я сама только что запорошила глаза двум охранникам. Но так себя вести можно

только тогда, когда в опасности твоя жизнь и свобода. Лиса не должна даже думать о доверчивых инкассаторах или обществах с ограниченной ответственностью. А если соблазн становится слишком силен, надо вдохновлять себя примерами из истории. Жан-Жак Руссо мог бы купаться в деньгах, а чем зарабатывал всю жизнь? Перепиской нот.

Пристроиться в другую гостиницу было непросто, и в обозримом будущем я видела всего два варианта: панель и интернет. Интернет казался более привлекательным, все-таки он был главным направлением прогресса, и торговать собой на его оптоволоконных панелях было футуристично и стильно. Как интересно, думала я, все без конца рассуждают о прогрессе. А в чем он заключается? В том, что древнейшие профессии обрастают электронным интерфейсом, вот и все. Природы происходящего прогресс не меняет.

Шофер заметил мое мрачное расположение духа.

– Что, – спросил он, – обидел кто, дочка?

– Угу, – сказала я.

Последний раз меня обидел он сам, когда назначил триста пятьдесят рублей за дорогу.

– А ты наплюй, – сказал шофер. – Меня за день знаешь сколько раз обижают? Если бы я все в голову брал, она бы у меня была как воздушный шар с говном. Наплюй, точно говорю. Завтра уже не вспомнишь. А жизнь знаешь какая длинная.

– Знаю, – сказала я. – А как это сделать – наплевать?

– Просто наплюй, и все. Думай о чем-нибудь приятном.

– А где его взять?

Таксист покосился на меня в зеркало.

– У тебя ничего приятного нет в жизни?

– Нет, – сказала я.

– Как так?

– Да вот так.

– Что ж, одно страдание?

– Да. И у вас тоже.

– Ну, – засмеялся таксист, – об этом ты знать не можешь.

– Могу, – сказала я. – Иначе вы бы здесь не сидели.

– Почему?

– Я бы объяснила. Только не знаю, поймете ли вы.

– Ишь ты какая, – фыркнул шофер, – что, думаешь, я глупее тебя? Уж наверно, пойму, если ты поняла.

– Хорошо. Ясно ли вам, что страдание и есть та материя, из которой создан мир?

– Почему?

– Это можно объяснить только на примере.

– Ну давай на примере.

– Вы знаете историю про барона Мюнхгаузена, который поднял себя за волосы из болота?

– Знаю, – сказал шофер. – В кино даже видел.

– Реальность этого мира имеет под собой похожие основания. Только надо представить себе, что Мюнхгаузен висит в полной пустоте, изо всех сил сжимая себя за яйца, и кричит от невыносимой боли. С одной стороны, его вроде бы жалко. С другой стороны, пикантность его положения в том, что стоит ему отпустить свои яйца, и он сразу же исчезнет, ибо по своей природе он есть просто сосуд боли с седой косичкой, и если исчезнет боль, исчезнет он сам.

– Это тебя в школе так научили? – спросил шофер. – Или дома?

– Нет, – сказала я. – По дороге из школы домой. Мне ехать очень долго, всякого слушаешься и насмотришься. Вы пример поняли?

– Понял, понял, – ответил он. – Не дурак. И что же твой Мюнхгаузен, боится отпустить свои яйца?

– Я же говорю, тогда он исчезнет.

– Так, может, лучше ему исчезнуть? На фиг нужна такая жизнь?

– Верное замечание. Именно поэтому и существует общественный договор.

– Общественный договор? Какой общественный договор?

– Каждый отдельный Мюнхгаузен может решиться отпустить свои яйца, но...

Я вспомнила рачьи глаза сикха и замолчала. Кто-то из сестричек говорил – когда во время неудачного сеанса клиент соскакивает с хвоста, он несколько секунд видит истину. И эта истина так невыносима для человека, что он первым делом хочет убить лису, из-за которой она ему открылась, а потом – себя самого... А другие лисы говорят, что человек в эту секунду понимает: физическая жизнь есть глупая и постыдная ошибка. И первым делом он старается отблагодарить лису, которая открыла ему глаза. А затем уже исправляет ошибку собственного существования. Все это чушь, конечно. Но откуда берутся такие слухи, понятно.

– Что «но»? – спросил шофер.

Я пришла в себя.

– Но когда шесть миллиардов Мюнхгаузенов крест-накрест держат за яйца друг друга, миру ничего не угрожает.

– Почему?

– Да очень просто. Сам себя Мюнхгаузен может и отпустить, как вы правильно заметили. Но чем больней ему сделает кто-то другой, тем больнее он сделает тем двум, кого держит сам. И так шесть миллиардов раз. Понимаете?

– Тьфу ты, – сплюнул он, – такое только баба придумать может.

– И снова с вами не соглашусь, – сказала я. – Это предельно мужская картина мироздания. Я бы даже сказала, шовинистическая. Женщине просто нет в ней места.

– Почему?

– Потому что у женщины нет яиц.

Дальше мы ехали молча.

Бывает такое, чего скрывать – загрузишь человека, и легче становится на душе. Почему так? Ведь ничего от этого не меняется – ни в твоей жизни, ни в чужой. Тайна. Ничего, пускай подумает о главном, это никому еще не вредило.

* * *

Утром на следующий день история с сикхом была в новостях. Я полезла в интернет не за этим, но какой-то наглый червь прописал мне «слухи.ру» в качестве стартовой страницы, и у меня все не доходило руки поменять ее. Я заставила себя дочитать заметку до конца:

БИЗНЕСМЕН ИЗ ИНДИИ ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ НА ГЛАЗАХ У СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Московская гостиница «Националь» скоро станет в общественном сознании зоной повышенного риска. У москвичей еще не стерся из памяти теракт у ее входа, и вот новое громкое дело: сорокатрехлетний бизнесмен из индийского штата Пенджаб покончил с собой, выбросившись из окна пятого этажа. Так, во всяком случае, утверждают два находившихся с ним в момент трагедии охранника, постоянно работающие в этой гостинице. По их словам, гость из Индии вызвал их, дернув за шнур

спецсигнализации, а когда они вошли в номер, безо всякой видимой причины разбежался и выпрыгнул в окно. Смерть при ударе о мостовую наступила мгновенно. Установлено, что незадолго до гибели бизнесмена посещала девушка полусвета. Ведется расследование.

Почему пятый этаж, подумала я, у него ведь был триста девятнадцатый номер. Хотя да, у них такая с понтом европейская нумерация – первые два этажа не считаются, и триста девятнадцатый будет как раз на пятом...

Затем мои мысли переключились на таинственное слово «полусвет». Почему, интересно, не «четверть-свет»? Такой метод словообразования позволил бы математически точно определить глубину женского падения. Наверно, за две тысячи лет у меня образовался серьезный знаменатель...

Тут мне, наконец, стало стыдно за свою бесчувственность. Погиб некоторым образом близкий мне человек – а я считаю этажи и дроби. Пусть условно-временно-галлюцинаторно близкий. Все равно полагалось бы испытать сострадание, хотя бы такое же зыбкое, как наша близость. Но его не было совсем – сердце напрочь отказывалось его выделять. Как говорят мои юные соратницы из провинции, сухостой. Вместо этого я еще раз задумалась о причинах вчерашнего эксцесса:

1) дело могло быть в астральном фоне гостиницы «Националь», где в фотогалерее «почетные постояльцы» Айседора Дункан висит рядом с Дзержинским.

2) случившееся могло быть кармическим эхом какого-нибудь кровавого бизнес-ритуала, которые так любят в Азии.

3) оно было косвенным следствием отката Индии от учения Будды, случившегося в Средние века.

4) сикх все-таки поклонялся тайком богине Кали – не зря же он крикнул «кали ма», бросаясь в окно.

Хочу пояснить, что у меня бывает до пяти внутренних голосов, каждый из которых ведет собственный внутренний диалог; кроме того, они могут начать спор между собой по любому поводу. Я в этот спор не вмешиваюсь, а только прислушиваюсь, ожидая намек на разгадку. Имен у этих голосов нет. В этом смысле я простая душа – у некоторых лис таких голосов до сорока, с многосложными красивыми именами.

Старые лисы говорят, что эти голоса принадлежали душам, поглощенным нами во времена первозданного хаоса: по легенде, такие души прижились в нашем внутреннем пространстве, войдя в подобие симбиоза с нашей собственной сущностью. Но это скорее всего просто басни, поскольку каждый из этих голосов – мой, хотя все они разные. А если рассуждать, как эти старые лисы, можно сказать, что и я сама – душа, которую кто-то съел в глубокой древности. Все это пустая перестановка слагаемых, от которых суммарная А Хули не меняется.

Из-за этих голосов лисы думают не так, как люди: разница в том, что вместо одного мыслительного процесса в нашем сознании разворачивается несколько. Ум одновременно идет по разным дорогам, вглядываясь, на какой из них раньше блеснет истина. Чтобы передать эту особенность моей внутренней жизни, я обозначаю разные этажи своего внутреннего диалога цифрами 1), 2), 3) и так далее.

Эти мыслительные процессы никак не пересекаются друг с другом – они совершенно автономны, но мое сознание вовлечено в каждый из них. Есть циркачи, которые одновременно жонглируют большим количеством предметов. То, что они проделывают с помощью тела, я делаю умом, вот и все. Из-за этой особенности я склонна составлять списки и разбивать все на пункты и подпункты – даже там, где с точки зрения человека в этом нет никакой нужды. Прошу

меня извинить, если такие разбиения и перечисления будут встречаться на этих страницах. Именно таким образом все происходит в моей голове.

Как можно отчетливей представив себе покойного сикха, я трижды прочитала заупокойную мантру и отправилась на «reuters.com» узнать, что нового в мире. В мире все было точно так же, как последние десять тысяч лет. Порадовавшись заголовку «America Ponders Mad Cow Strategy» [\[4\]](#), я отправилась на свой почтовый сервер.

Вместе с предложением увеличить длину полового члена и зашипованным файлом, который я не стала открывать несмотря на заманчивую тему сообщения («Britney Blowing a Horse») [\[5\]](#), меня ждала нечаянная радость – письмо от сестрички И Хули, от которой давно уже не было никаких вестей.

Я знала сестричку И со времен Сражающихся Царств. Это была жуткая пройдоха. Много веков назад она прославилась на весь Китай как императорская наложница по имени Летящая Ласточка. В результате наблюдений за ее полетами император прожил лет на двадцать меньше, чем мог бы. И Хули после этого наказали духи-охранители, и она стала держаться в тени, специализируясь на богатых аристократах, которых она незаметно для мира выдаивала в тишине загородных поместий. Последние несколько сотен лет она жила в Англии.

Письмо было совсем коротким:

«Здравствуй, рыженькая.

Как ты? Надеюсь, у тебя все хорошо. Извини, что дергаю тебя по пустяковому поводу, но мне срочно нужна твоя консультация. По моим сведениям, в Москве есть храм Христа Спасателя, который сначала разрушили до последнего камня, а потом восстановили в прежнем виде. Правда ли это? Что ты об этом знаешь? Ответ побыстрее!

Люблю и помню,
твоя И».

Странно, подумала я, с чего бы вдруг? Однако она просила ответить срочно. Я кликнула по кнопке «reply».

«Здравствуй, рыжик.

У нас на севере все по-прежнему. Как-нибудь напишу подробнее, а пока отвечаю на твой вопрос. Да, в Москве есть храм Христа Спасителя (так правильно), который взорвали после революции и восстановили в конце прошлого века. От него действительно не осталось камня на камне – на его месте долгое время был бассейн. А теперь бассейн засыпали и храм построили заново. С культурной точки зрения это неоднозначное событие – я видела на одной демонстрации лозунг: «Требуем восстановить варварски уничтоженный клептократией бассейн „Москва“!» Что касается меня, то я ни разу не посещала ни первого, ни второго заведения, и собственного мнения по этому вопросу у меня нет.

Люблю и помню,
твоя А».

Послав письмо, я отправилась на сайт «шлюхи.ру».

Он выглядел живописно – даже рекламные поп-урсы в большинстве были тематическими:

Увидеть Париж и жить!

Свои джипы появились и здесь. Рынок искал новые подходы и ниши: мне попадались презервативы «Ossam's Razor» с портретом средневекового схоласта и слоганом «Не следует умножать сущности без необходимости». Вильяма Оккама я знала лично. В четырнадцатом, кажется, веке я сказала ему при встрече, что от его принципа-бритвы всего один шаг до духовной кастрации. Он долго гонялся за мной по своему мюнхенскому дому, а через два века началась Реформация. Но мне некогда было отвлекаться на воспоминания – надо было быстрее сочинить объявление, а для этого следовало ознакомиться с имеющимися образцами.

Их, к счастью, было огромное количество. Мне показалась занятной одна особенность жанра: многие девушки украшали свои объявления несколькими стихотворными вставками, не имевшими отношения к списку услуг – своего рода словесный пирсинг, в котором мне тоже захотелось поупражняться.

Через час мой текст был готов. Взыскательный критик, возможно, назвал бы его компиляцией, но я не собиралась делать себе имя в литературных кругах. Мое объявление начиналось так:

А я шустрая девица,
и в интима мастерица!

Улыбка, гибкий стан, чего еще ты ждал?
Есть классика, анал и страстности запал!

Второе двустушие, отделенное от первого пустой строкой, не было связано с ним ни рифмой, ни размером – словно две разные сережки в мочке уха. Выглядело вполне аутентично, остальные девочки делали так же. Стихи были набраны жирным шрифтом, а информационный блок шел за ними следом:

«Сказка с Вашим Концом!

Маленькая грудь за большие деньги. Рыжий котенок ждет звонка от состоятельного господина. Классический секс, глубокий и королевский минет, анал, петтинг, бандаж, порка (в т.ч. Русская Плеть), фут-фетиш, strapon, ветка сакуры, лесбис, оральная и анальная стимуляция, куннилингус (в т.ч. принудительный), перемена ролей, золотой и серебряный дождь, фистинг, пирсинг, катетер, копро, клизма, легкое и глубокое доминирование, услуги Госпожи и Рабыни. Face control. Выезд по договоренности. Возможно многое. Почти все. Трахни меня и забудь! Если сможешь...»

Ничего себе котенок, подумала я, перечитав написанное. Признаться, я не до конца понимала, при чем здесь бандаж и зачем нужна ветка сакуры. Фистинг я тоже плохо себе представляла – но, судя по тому, что в других объявлениях он был либо оральным, либо вагинальным, это была такая же мерзость, как и все остальное. Фистинг.. Может, от слова fist – когда кулак засовывают? Значит, бывает и per oris? А в одном объявлении я вообще видела такое вот перечисление – «минет, пиар, куннилингус». Что тут имелось в виду? Или « strapon ». Похоже на что-то космическое, из романтических шестидесятых прошлого века. Только вряд ли. Но, к счастью, мне и не надо знать, что такое strapon – главное, чтобы представлял себе клиент.

Думаю, никто кроме лисы не поймет, как я могу оказать услугу «страпон», не зная, что это такое. Объяснить такое сложно, тут можно только приводить аналогии. Я чувствую сознание клиента как упругую теплую сферу, и, чтобы направить бедняжку в мир его мечты, мне надо сначала выдавить своим хвостиком вмятинку в самом горячем месте этой сферы, а потом сделать так, чтобы вмятинка разгладилась и пошла по сфере рябью. Это будет просто страпон. А вот если мягко заставить вмятинку вывернуться в другую сторону и стать тонкой пипочкой, это будет такой страпон, о котором клиент, пуская слюни, будет вспоминать до тех пор, пока его ум не погрузится в холодный океан болезни Альцгеймера.

То же самое относится к фистингу, легкой доминации и прочему – даже если вы хотите до смерти избить бейсбольной битой пожилого трансвестита с высшим музыкальным образованием и золотым зубом во рту, то и с этим сомнительным проектом я могу вам помочь. Но мне самой лучше не знать до конца, что происходит в чужом сознании – так легче сохранить душу в чистоте.

По этой причине у меня не было сомнений в своей способности справиться с перечнем объявленных услуг, какими бы они ни были. Но все же в тексте чего-то недоставало. Подумав, я вписала после «Рыжий котенок ждет звонка от состоятельного господина» следующее:

«Транссексуалка, универсалка, penis 26x4. Всегда следовать правилам – значит лишиться себя всех удовольствий! Нужно уметь делать глупости, которых требует от нас наша природа.»

Эх, знали бы они, что такое наша природа, вздохнула я и убрала транссексуалку. Как говорил повар великого князя Михаила Александровича, каши маслом не испортишь, но вот масло легко испортить кашей. Требовалось другое... Поразмыслив, я решила заменить «услуги Госпожи и Рабыни» на «услуги Госпожи, Рабыни и Прекрасной Дамы». Это не обязывало к дополнительным физическим усилиям, пусть даже воображаемым, но распахивало простор для фантазии.

Может, залакировать классикой? Александром Блоком?

«Страны счастья, чужого доселе, мне раскрыли объятия те, и, спадая, запястья звенели громче, чем в его нищей мечте...»

Или так:

«Страны нового дивного счастья он увидел в смеженных очах, и, спадая, звенели запястья громче, чем в его нищих мечтах...»

Мечты... Моя знакомая куртизанка времен Поздней Хань часто повторяла, что слабое место мужчины – его мечтательный ум. Когда она состарилась, ее отдали вождю кочевников в качестве отступного, и тот сварил бедняжку в кобыльем молоке в надежде вернуть ей юность. Вот так слабость иногда становится страшной силой.

Нет, решила я, Блока ставить не стоит – его стихи очищают душу и будят в ней самое высокое. А если в клиенте проснется самое высокое, мы потеряем клиента, это знает любой маркетолог. Поэтому вместо цитаты из «Соловьиного сада» я поставила в конце следующее двустишие:

Бурлящий ток, без ласки я скучаю,
Я страстное знакомство обещаю!

Совершенствовать текст можно было до бесконечности – известно, что этот процесс у

настоящего поэта продолжается до момента, когда издатель приходит за рукописью. В данном случае мне следовало забрать рукопись у себя самой. Поэтому я решила поставить точку.

Раньше я никогда не работала с сайтом «шлюхи.ру». Процедура размещения информации оказалась такой же, как и на других подобных ресурсах, но было одно неприятное отличие – объявление и снимки оплачивались отдельно. Разместить голый текст стоило сто пятьдесят долларов, фотографии были по двадцатке каждая. У меня было три WMZ-карты, которые принимали к оплате на сайте – сто, пятьдесят и двадцать долларов. Видно, под эти номиналы все и было заточено. Я могла разместить только одну фотку – или следовало ехать на Павелецкую за новым запасом интернет-денег. Я решила ограничиться одним снимком, но послать его немедленно, чтобы утром он уже висел на проводах. Но быстро все равно не вышло – я подбирала фотографию почти час.

Выбор оказался трудным, потому что каждый вариант окрашивал услуги из моего списка в другой тон, освещая *страпон* и *фистинг* новыми смысловыми зарницами. В конце концов я остановилась на старой черно-белой фотографии – на фоне книжных полок, с томиком Ходасевича в руках. Это была «Тяжелая лира», а сам снимок, сделанный в сороковых годах, выглядел дивно и загадочно – на нем словно мерцал прощальный отблеск Серебряного века, что уместно перекликалось с последней из объявленных услуг. Как хорошо, что я успела оцифровать самые ценные негативы и дагерротипы!

Оставалось выбрать творческий псевдоним. Найдя через «Google» подходящий список, я взяла из самого его начала имя «Адель». В аду родилась елочка, в аду она росла...

Фотография была хорошего качества и занимала четверть мегабайта. Я нажала на кнопку «send». Мое личико покорно улыбнулось, нырнуло по проводам в стену, унеслось в телефонный кабель, проскочило по электрическому позвоночнику улицы, переплелось с другими именами и лицами, несущимися бог весть откуда и куда, и умчалось к далекому сетевому шлюзу, к еле видимым на горизонте громадам сине-серых атлантических серверов.

* * *

Звонок по объявлению раздался на следующее утро, в одиннадцать с небольшим. Клиента звали Павел Иванович. Интересной ему показалась та строчка в моем объявлении, где говорилось про Русскую Плеть. Как выяснилось, Русская Плеть у него была своя, даже не одна, а целых пять – четыре на специальной резной стойке и одна в теннисной сумке.

Хочу сразу оговориться – я бы с удовольствием выкинула из своих записок все упоминания о Павле Ивановиче, но без него повествование будет неполным. Он сыграл в моей жизни важную роль, как может сыграть ее заплеванной подземный переход, по которому героиня случайно переходит на другой берег судьбы. Поэтому рассказать о нем все же придется, и я прошу извинения за неаппетитные подробности. В некоторых компьютерных играх есть такая кнопка «Tx2», после нажатия на которую время течет в два раза быстрее. Вот и я – нажму на такую кнопку и постараюсь упарить его в минимальный объем.

Кажется, это Диоген Лаэртский рассказывал о философе, который три года обучался бесстрастию, платя монету каждому оскорбившему его человеку. Когда его ученичество кончилось, философ перестал раздавать деньги, но навыки остались: однажды его оскорбил какой-то невежа, и он, вместо того чтобы наброситься на него с кулаками, захохотал. «Надо же, – сказал он, – сегодня я бесплатно получил то, за что платил целых три года!»

Когда я впервые прочитала об этом, я испытала зависть, что в моей жизни нет подобной практики. После знакомства с Павлом Ивановичем я поняла, что такая практика у меня есть.

Павел Иванович был пожилым гуманистаем, похожим на оплывшую волосатую свечу розового цвета. Раньше он был *правым либералом* (я не понимала смысла этого дикого словосочетания), но после известных событий раскаялся настолько, что взял на себя личную ответственность за беды Отчизны. Чтобы успокоить душу, ему надо было раз или два в месяц принять бичевание от *Юной России*, которую он обрек на нищету, вынудив вместо учебы в университете зарабатывать на жизнь бичеванием пожилых извращенцев. Получался замкнутый круг, о котором я, возможно, задумалась бы всерьез, не мастурбируя он во время сеанса. Это убивало всю тайну.

Если бы *Юной Россией* при нем состояла реальная секс-работница откуда-нибудь с Украины, он никогда не договорился бы о часовом сеансе за пятьдесят долларов. Бичевание – тяжелый труд, даже если процедура просто внушается. Но я стала ездить к Павлу Ивановичу не только ради денег, а еще и потому, что он невероятно меня раздражал, вызывая во мне настоящие спазмы ярости. Приходилось собирать всю волю, чтобы держать себя в руках. По практическим соображениям мне следовало ориентироваться на спонсоров побогаче. Но характер следует упражнять именно в трудные периоды жизни, когда смысла в этом не видно. Вот тогда это приносит пользу.

Чтобы я понимала свою роль в происходящем, Павел Иванович подробно рассказал мне о причинах своего покаяния. Я хотела потребовать за понимание еще пятьдесят долларов в час и ждала момента, когда можно будет заговорить о таксе. Но он все никак не наступал: Павел Иванович говорил необыкновенно долго. Зато я почерпнула из его объяснения массу интересной информации:

– Между 1940 и 1946 годами, милочка, объем промышленного производства в России упал на двадцать пять процентов. Это со всеми ужасами войны. А между 1990 и 1999 годами он сократился больше чем наполовину.. Посерьезней Чингисхана и Гитлера вместе взятых. И это не коммуняки клеветают, пишет Джозеф Стиглиц, главный экономист Мирового банка и нобелевский лауреат. Не читали «Globalization and its Discontents»? [\[6\]](#) Страшная книга. А что касается Америки, то ей атомная бомба вообще не нужна, пока есть ВТО и Международный валютный фонд...

Я даже стала забывать, зачем я сижу в его квартире, и только кожаная плеть, которая лежала между нами на столе, напоминала мне об этом. Скоро выяснилось, что покаяние Павла Ивановича было тотальным – оно затрагивало не только экономический аспект российской реформы, но и культурную историю последних десятилетий.

– А знаете ли вы, – говорил он, пристально глядя мне в глаза, – что ЦРУ в свое время финансировало движение битников и психоделическую революцию? Целью было создать привлекательный образ Запада в глазах молодежи. Надо было притвориться, что *America has fun* [\[7\]](#). И притворились – даже сами на время поверили. Но самое смешное в том, что все эти дети генералов ЛСД, которые пробовали КГБ и старательно косили под битников, действительно шли на поводу у ЦРУ, то есть совершали тот самый грех, в котором обвиняла их партия! А ведь это была будущая интеллигенция, нервная система нации...

Говоря о вине интеллигенции перед народом, он постоянно употреблял два термина, которые казались мне синонимами, – «интеллигент» и «интеллектуал». Я не выдержала и спросила:

– А чем интеллигент отличается от интеллектуала?

– Различие очень существенное, – ответил он. – Я берусь объяснить только аллегорически. Понимаете, что это значит?

Я кивнула.

– Когда вы были совсем маленькая, в этом городе жили сто тысяч человек, получавших

зарплату за то, что они целовали в зад омерзительного красного дракона. Которого вы, наверно, уже и не помните...

Я отрицательно покачала головой. Когда-то в юности я действительно видела красного дракона, но уже забыла, как он выглядел, – запомнился только мой собственный страх. Павел Иванович вряд ли имел в виду этот случай.

– Понятно, что эти сто тысяч ненавидели дракона и мечтали, чтобы ими правила зеленая жаба, которая с драконом воевала. В общем, договорились они с жабой, отравили дракона полученной от ЦРУ губной помадой и стали жить по-новому.

– А при чем тут интелл...

– Подождите, – поднял он ладонь. – Сначала они думали, что при жабе будут делать точь-в-точь то же самое, только денег станут получать в десять раз больше. Но оказалось, что вместо ста тысяч целовальников теперь нужны три профессионала, которые, работая по восемь часов в сутки, будут делать жабе непрерывный глубокий минет. А кто именно из ста тысяч пройдет в эти трое, выяснится на основе открытого конкурса, где надо будет показать не только высокие профессиональные качества, но и умение оптимистично улыбаться краешками рта во время работы...

– Признаться, я уже потеряла нить.

– А нить вот. Те сто тысяч назывались интеллигенцией. А эти трое называются интеллектуалами.

У меня есть одна труднообъяснимая особенность. Я терпеть не могу, когда при мне произносят слово «минет» – во всяком случае, вне рабочего контекста. Не знаю почему, но меня это бесит. К тому же сравнение Павла Ивановича показалось мне настолько хамским намеком на мою профессию, что я даже забыла о надбавке, которую хотела попросить.

– Вы про глубокий минет говорите, чтобы я понять могла? В силу своего жизненного опыта?

– Какое там, милая, – сказал он снисходительно. – Я в таких терминах объясняю, потому что сам при этом начинаю понимать, в чем дело. И дело тут не в вашем жизненном опыте, а в моем...

В другой раз во время порки он начал читать журнал. Это само по себе было оскорбительно. А когда он стал тыкать пальцем в статью и бормотать «молчал бы, сволочь», я почувствовала раздражение и прекратила процедуру – то есть внушила ему паузу.

– Что такое? – спросил он удивленно.

– Я не пойму, у нас здесь флагелляция или изба-читальня?

– Извините, милочка, – сказал он, – тут интервью одно возмутительное. Это просто черт знает что такое!

И он щелкнул пальцами по журналу.

– Не имею ничего против детективов, но терпеть не могу, когда детективщики начинают объяснять, как нам обустроить Россию.

– Почему?

– Это как если бы малолетка, которую шофер-дальнобойщик подвозит минета ради, вдруг подняла голову от рабочего места и стала давать указания, как промывать карбюратор на морозе.

Видимо, Павел Иванович даже не понимал, как оскорбительно это звучит при разговоре с секс-работником. Но я успела осознать волну гнева до того, как она завладела мной, отчего в душе сразу разлилось веселое спокойствие.

– А что такого, – сказала я как ни в чем не бывало. – Может, она столько дальбойщиков обслужила, что вошла во все тонкости и теперь действительно может научить промывать

карбюратор.

– Мне, милая, жалко таких дальнобойщиков, которым в качестве консультанта нужна говорливая минетчица. Далеко они не уедут.

«Говорливая минетчица», вот как. Какой же все-таки... Я снова поймала вспышку ярости в момент ее возникновения, и гнев опять не успел проявиться.

Это было здорово. Словно во время бури прыгаешь на доску для серфинга и мчишься на ней по волнам разрушительных эмоций, которые ничего не могут тебе сделать. Всегда бы так, подумала я, сколько народу осталось бы живо... Возражать Павлу Ивановичу по существу я не стала. Нам, лисам, идущим надмирным дао-путем, лучше не иметь по таким поводам собственного мнения. Ясно было одно: Павел Иванович – бесценный тренажер духа.

К сожалению, я поздно поняла, что для меня это слишком большой вес. Когда я первый раз потеряла контроль над собой, обошлось без увечий. Меня вывела из себя одна его фраза про Набокова (это не говоря о том, что на его столе лежала ксерокопия статейки под названием «*Явление парикмахера официантам: феномен Набокова в американской культуре*»).

Я любила Набокова с тридцатых годов прошлого века, еще с тех пор, когда доставала его парижские тексты через высокопоставленных клиентов из НКВД. Ах, каким свежим ветром веяло от этих машинописных листов в жуткой сталинской столице! Особенно, помню, меня поразило одно место из «Парижской поэмы», которая попала ко мне уже после войны:

В этой жизни, богатой узорами
(Неповторной, поскольку она
По-другому, с другими актерами,
Будет в новом театре дана),
Я почел бы за лучшее счастье
Так сложить ее дивный ковер,
Чтоб пришелся узор настоящего
На былое, на прошлый узор...

Это Владимир Владимирович написал про нас, лис. Мы действительно без конца смотрим представление, исполняемое суетливыми актерами-людьми, которые уверены, что играют его на земле первыми. Они с невообразимой быстротой вымирают, и на их место заступает новый призыв, который начинает играть те же роли с тем же самым пафосом.

Правда, декорации все время свежие, даже чересчур. Но сама пьеса не меняется уже давным-давно. А поскольку мы помним более возвышенные времена, нас постоянно гложет тоска по утраченной красоте и смыслу. В общем, эти слова били сразу по многим струнам... Кстати сказать, насчет струн – этот ковер из «Парижской поэмы» был вывешен в стихотворении Гумберта Гумберта:

Где разъезжаешь, Долорес Гейз?
Твой волшебный ковер какой марки?
Кагуар ли кремовый в моде здесь?
Ты в каком запаркована парке?

Я знаю, какой марки. Он был соткан в Париже, году в тридцать восьмом, летним днем, под белыми гигантами облаков, застывшими в лазури, и потом рулоном доехал до Америки... Нужна

была вся мерзость Второй мировой войны, вся чудовищность продиктованных ею выборов, чтобы его повесили в приемной у Гумберта. А тут этот гуманитарий возьми и брякни:

– Счастье, милочка, такая противоречивость. Достоевский вопрошал, мыслимо ли оно, если за него заплачено слезой ребенка. А Набоков, наоборот, сомневался, бывает ли счастье без нее.

Такого плевка в могилу писателя я не вынесла и бросила плетку на пол. Я имею в виду, не просто перестала внушать Павлу Ивановичу бичевание, а заставила его увидеть, как плеть ударила о пол с такой силой, что на паркете появилась ссадина. Ее мне пришлось потом накорябать вручную, когда он пошел в душ. Я избегаю спорить с людьми, но в этот раз меня прорвало, и я заговорила серьезно, как будто передо мной была другая лиса:

– Меня оскорбляет, когда Набокова путают с его героем. Или называют крестным отцом американской педофилии. Это глубоко ошибочный взгляд на писателя. Запомните, Набоков проговаривается не тогда, когда описывает запретную прелесть нимфетки. Страницами не проговариваются, страницами сочиняют. Он проговаривается тогда, когда скупой, почти намеком упоминает о внушительных средствах Гумберта, позволявших ему колесить с Лолитой по Америке. О том, что на сердце – всегда украдкой...

Я опомнилась и замолчала. Я принимала историю Лолиты очень лично и всерьез: Долорес Гейз была для меня символом души, вечно юной и чистой, а Гумберт – председателем совета директоров мира сего. Кроме того, стоило заменить в стихотворной строчке, описывающей возраст Лолиты («Возраст: пять тысяч триста дней»), слово «дней» на «лет», и получалось ну совсем про меня. Естественно, я не стала делиться этим наблюдением с Павлом Ивановичем.

– Продолжайте, продолжайте, – изумленно сказал он.

– Писателю мечталось, конечно, не о зеленой американской школьнице, а о скромном достатке, который позволил бы спокойно ловить бабочек где-нибудь в Швейцарии. В такой мечте я не вижу ничего зазорного для русского дворянина, понявшего всю тщету жизненного подвига. А выбор темы для книги, призванной обеспечить этот достаток, дает представление не столько о тайных устремлениях его сердца, сколько о мыслях насчет новых соотечественников, и еще – о степени равнодушия к их мнению о себе. То, что книга получилась шедевром, тоже несложно объяснить – таланту себя не спрятать...

Заканчивая эту тираду, я мысленно ругала себя последними словами. И было за что.

Я профессионально имперсонирую девочку пограничного возраста с невинными глазами. Такие создания не произносят длинных предложений о творчестве писателей прошлого века. Они говорят односложно и просто, в основном о материальном и видимом. А тут...

– Разошлась, разошлась, – удивленно пробормотал Павел Иванович. – Глазки горят, а? Ты где всего этого набралась?

– Так, – сказала я сумрачным голосом, – делала одному филологу анальный фистинг...

Я дала себе торжественное слово больше не вступать с ним в спор о культуре, а использовать его только по прямому назначению, как снаряд для развития силы духа. Но было уже поздно.

* * *

В современном обществе пагубно поддаваться инстинктам, приобретенным в другие времена, да еще в очень непохожей культуре. Это как выставленные на погибшей планете гироскопы: лучше не думать, куда они показывают курс.

В древнем Китае жили люди высокого духа. Покажи я любому ученому подобное знание классического канона, он залез бы в долги, но наградил бы меня двойной оплатой и еще прислал

бы домой стихотворное письмо, привязанное к ветке сливы. Возможно, по старой памяти я рассчитывала на нечто подобное, когда заговорила с Павлом Ивановичем о Набокове. Но результат оказался совсем другим.

При следующей встрече Павел Иванович попросил провести сеанс в долг, поскольку он только что купил холодильник. Свою просьбу он высказал тоном тайного сообщника, давнего испытанного товарища по странствиям в предгорьях духа. Так мог бы говорить поэт, одалживающий у собрата флакон чернил. Отказать я не сумела.

Новый холодильник, занявший половину его кухни, походил на выступ айсберга, пробивший борт корабля и вмывшийся в трюм. Капитан корабля тем не менее был пьян и весел. Я давно заметила – ничто так не радует российского гуманитарного интеллигента (на интеллектуала Павел Иванович не тянул), как покупка нового бытового электроприбора.

Я не люблю пьяных. Поэтому я вела себя немного хмуро. Он, должно быть, отнес это к тому, что порка производилась в долг, и не проявил особой навязчивости. Мы перешли к делу молча, словно пара сработавшихся эстонских яхтсменов: вручив мне измочаленную плеть, которую он хранил в теннисной сумке с автографом Бориса Беккера, он разделся, лег на тахту и открыл свежий «Эксперт».

Я догадывалась, что дело здесь не в пренебрежительном отношении к моему искусству, и даже не в любви к печатному слову. Видимо, покаяние перед Юной Россией соседствовало в его душе с неведомыми мне вибрациями, и всех своих секретов он мне не раскрыл. Но я не стремилась проникнуть в его внутренний мир дальше оплаченной глубины, поэтому не задавала вопросов. Все шло как обычно – шлепая по его заду воображаемой плеткой, я думала о своем, а он тихо приборматовал, иногда начиная стонать, иногда смеяться. Было скучно, и мне казалось, что я одалиска в восточном гареме, мерными ударами опахала отгоняющая мух от туши господина. Вдруг он сказал:

– Надо же, какое имечко у адвоката – Антон Дрель. Как это он с таким выжил... Вот его, наверно, в школе мучили... Люди с такими именами вырастают с душевным отклонением, факт. Все Козловы, например, нуждаются в помощи психотерапевта. Это вам любой эксперт скажет.

Мне, конечно, не следовало поддерживать разговор – незачем было выводить ситуацию за рамки профессиональных отношений. Не сдержалась я потому, что имена для меня – большая тема.

– Ничего подобного, – сказала я. – Мало ли кого как зовут. Вот у меня есть одна подруга, у нее очень-очень неблагозвучное имя. Такое неблагозвучное, что вы смеяться будете, если я скажу. Можно считать, почти матерное слово, вот какое имя. А сама она – красивая, умная и добрая девушка. Имя – еще не приговор.

– Может, милая, вы свою подругу плохо знаете. Если у нее в фамилии матерное слово, так оно и в жизни вылезет. Подождите, она еще себя проявит. От имени зависит все. Есть научная гипотеза, что имя каждого человека является первичной суггестивной командой, которая в предельно концентрированной форме содержит весь его жизненный сценарий. Вы понимаете, что такое суггестивная команда? Представляете себе немного, что такое внушение?

– В общих чертах, – ответила я и мысленно хлестнула его посильнее.

– Ух... По этой точке зрения, существует ограниченное количество имен, потому что обществу нужно ограниченное количество человеческих типов. Несколько моделей рабочих и боевых муравьев, если так можно выразиться. И психика каждого человека программируется на базовом уровне теми ассоциативно-семантическими полями, которые задействует имя и фамилия.

– Чепуха, – сказала я раздраженно. – В мире нет двух похожих людей с одинаковыми именами.

– Как нет и двух похожих муравьев. Но тем не менее муравьи делятся на функциональные классы... Нет, имя – серьезная вещь. Бывают имена – бомбы замедленного действия.

– Что вы имеете в виду?

– Вот вам история из жизни. В Архивном институте работал шекспировед Шитман. Защитил он докторскую – «Онтологические аспекты «была не была» как «быть или не быть» в прошедшем времени», или что-то в этом роде – и решил выучить английский, чтобы почитать кормильца в оригинале. И еще в Англию хотел съездить – «увидеть Лондон и умереть», как он выражался. Начал заниматься. И через несколько уроков выяснил, что shit по-английски – дерьмо. Представляете? Будь он, к примеру, преподаватель химии, было бы не так страшно. А у гуманитариев все вокруг слов вертится, это еще Деррида подметил. Шекспировед Шитман – все равно что пушкинист Говнищер. Трудно служить прекрасному с таким орденом в петлице. Стало ему казаться, что на него в Британском Совете косо смотрят... Британскому Совету тогда вообще не до шекспироведов было, на них налоговая наехала, а Шитман решил, что лично к нему такое отношение. Вы ведь понимаете, милочка, когда человек ищет, чем подтвердить свои параноидальные идеи, он всегда находит. В общем, если опустить грустные подробности, за месяц сошел с ума.

К этому моменту во мне бушевал гнев – мне казалось, что он пытается меня оскорбить, хотя никаких рациональных оснований для такого предположения не было. Но я помнила, что важнее всего сохранять контроль. Что мне вполне удавалось.

– Неужели? – спросила я вежливо.

– Да. В сумасшедшем доме он ни с кем не разговаривал, только орал на всю больницу. Иногда «same shit different day!» ^[8], а иногда «same shite different night!» ^[9]. Не зря, значит, английским занимался – кое-что запомнил. В конце концов, увезли этого Шитмана на машине с военными номерами, понадобился спецслужбам, скажем так. И что с ним теперь – никто не в курсе, а кто в курсе, тот не скажет. Такой вот сон в летнюю ночь, деточка. А говорите, ничего от имени не зависит. Зависит, еще как. Если у вашей подруги в фамилии матерное слово, путь у нее один. Сумасшедший дом рано или поздно. Кстати, Шитману еще повезло, что он спецслужбам понадобился. Ведь слышали, наверно, про наши сумасшедшие дома. Там за сигарету минет делают...

Тренировка духа с помощью человека-раздражителя похожа на азартную игру, в которой все ставится на кон. Выигрыш в ней велик. Но если не выдержишь и срываешься, проигрываешь все начисто. Я вынесла бы и работу в долг, и пушкиниста Говнищера, и его мат, не брось он на чашу весов этот минет за сигарету. К нему я оказалась не готова.

– Деточка! – закричал Павел Иванович. – Деточка, ты что? Ты что делаешь, гадина? Милиция! Люди! Помогите!

Когда он стал звать милицию, я опомнилась. Но было поздно – Павел Иванович получил три таких плетки, которых не постыдился бы и Мэл Гибсон. И хоть эти три плетки были гипнотическими, по его спине потекла настоящая кровь. Конечно, я пожалела о содеянном, но это всегда случается секундой позже, чем надо. К тому же я опять схитрила в своем сердце – зная, что меня вот-вот охватит раскаяние, и уже как бы принимая всей душой позу кающейся грешницы, я напоследок с мстительным сладострастием прошептала:

– Вот тебе от Юной России, старый козел...

Оглядывая сейчас свою жизнь, я нахожу в ней много темных пятен. Но за эту минуту я испытываю особенно острый стыд.

Многие храмы в Азии удивляют путника несоответствием между бедностью пустых комнат и многоступенчатой роскошью крыши – с загнутыми вверх углами, драгоценными резными драконами и алой черепицей. Символический смысл здесь понятен: сокровища следует собирать не на земле, а на небе. Стены символизируют этот мир, крыша следующий. Посмотреть на само строение – халупа. А посмотреть на крышу – дворец.

Контраст между Павлом Ивановичем и его крышей показался мне настолько же завораживающим – несмотря на то, что духовный символизм здесь отсутствовал полностью. Павел Иванович был мелким гуманитарным бесом. Но вот его крыша... Впрочем, все по порядку.

Звонок раздался через два дня после экзекуции, в восемь тридцать утра, слишком рано даже для клиента со странностями. Высветившийся номер ничего мне не сказал. Я встала в четыре утра и успела к тому моменту переделать множество дел, но все равно на всякий случай протянула заспанным голосом:

– Але-е...

– Адель? – раздался бодрый голос. – Это тебя по объявлению беспокоят.

Я уже сняла объявление с сайта, но кто-то вполне мог засэйвить его на будущее, клиенты так часто делают.

– Дайте девочке поспать, а?

– Какое поспать, на выезд с теплыми вещами!

– Я еще не проснулась.

– Три тарифа за срочность. Если будешь на месте через час.

Услышав про три тарифа, я перестала ломаться и записала адрес. Одна из моих латиноамериканских сестричек рассказывала, что панамский генерал Норьега любил пить виски всю ночь напролет, а рано утром вызывал к себе для секса одну из шести постоянно состоявших при нем женщин – сестричка это знала, поскольку была одной из них. Но это Панама – кокаин, горячая кровь. А для наших широт такой ранний жар был странноват. Но опасности я не ощутила.

Для скорости я поехала на метро и минут через пятьдесят прибыла на место. Клиент жил в тихом центре. Войдя во двор нужного мне дома (высокой бетонной свечи с претензией на архитектурное новаторство), я сперва решила, что ошиблась и тут задворки какого-то банка.

Возле металлических ворот в стене стояли два охранника. Они смотрели на меня с хмурым недоумением, и я показала бумажку с адресом. Тогда один из них кивнул на неприметное крыльцо с домофоном. Я пошла к домофону.

– Адель? – спросил голос в динамике.

– Она самая.

– Иди на второй этаж, последняя дверь, – сказал домофон. – Там увидишь.

Дверь открылась.

Это не особо походило на жилой дом. Лифта не было; лестницы, собственно, тоже. То есть она была, но кончалась на втором этаже, упираясь в черную дверь без глазка и звонка, рядом с которой в стене блестела крохотная линза телекамеры: как будто кто-то скупил все квартиры в доме, начиная со второго этажа, и сделал общий вход. Впрочем, вульгарное сравнение, от отсутствия легитимной культуры крупной собственности. Звонить не потребовалось – как только я подошла, дверь открылась.

На пороге стоял крепкий мужик лет пятидесяти, одетый под бандита девяностых. На нем был адидасовский спортивный костюм, кроссовки и золото – браслет и цепь.

– Заходи, – сказал он, повернулся и пошел назад по коридору.

Место было странным и напоминало служебное помещение. Одна из дверей в коридоре была приоткрыта. В просвете виднелся никелированный металлический шест, ныривший в

круглую дыру в полу. Но клиент захлопнул дверь перед моим носом, и я ничего не успела рассмотреть.

– Проходи, – сказал он, пропуская меня вперед.

Спальня в конце коридора выглядела вполне цивилизованно, только мне не понравился запах – пахло псиной, причем как-то очень конкретно, словно в собачьем love-отеле. Кроме обширной кровати в комнате был низкий журнальный стол с ящиком и два кресла. На столе стояла бутылка шампанского и бокалы, рядом – телефон с большим количеством клавиш и синяя пластиковая папка для бумаг.

– Где душ? – спросила я.

Мужчина сел в кресло и указал на соседнее.

– погоди, успеешь. Давай познакомимся сначала.

Он отечески улыбался, и я решила, что попался клиент из душевных. Я так называю людей, которые за свои двести баксов хотят поймать не только тело, но еще и душу. От таких особенно устаешь. Чтобы отсечь душевного клиента, надо держаться хмуро и необщительно. Пусть дядя думает, что у девочки переходный возраст. В период формирования личности подростки нелюдимы и неприветливы, и каждый педофил хорошо об этом знает. Поэтому в развратнике такая манера поведения быстро разжигает похоть, что ведет к экономии времени и помогает добиться лучшей оплаты труда. Но здесь важно вовремя закрыться в ванной.

Некоторые лисы, живущие в Америке и Европе, подходят к использованию этого эффекта по-научному. То есть думают, что подходят по-научному, поскольку готовятся по литературе, которая «раскрывает душу современного тинейджера». Особенно они ценят пятнадцатилетних сочинителей, с застенчивым румянцем снимающих перед читателем трусики с внутреннего мира своего поколения. Это, конечно, смешно. У подростков нет никакого общего внутреннего измерения – так же, как нет его у людей любого другого возраста. Каждый живет в своей вселенной, и эти инсайты в душу тинейджера – просто рыночный симулякр свежести для бургера, которому душно от анального секса по видео, что-то вроде химического запаха ландыша для туалетных комнат. Лисе, которая хочет верно передать поведение современного подростка, такую литературу читать нельзя: будешь похожа не на тинейджера, а на старого театрального пидора, изображающего травести.

Правильная технология совсем другая. Как и все, что реально работает, она предельно проста:

1) при разговоре следует глядеть в сторону, лучше всего – в точку пола на расстоянии примерно два метра.

2) в ответ нужно говорить не больше трех слов, не считая предлогов и союзов.

3) каждая десятая или около того реплика должна нарушать правило номер два и быть слегка провокативной, чтобы у клиента не сложилось чувства, что он имеет дело с дауном.

– Как звать? – спросил он.

– Адель, – сказала я, косясь в угол.

– Лет сколько?

– Семнадцать.

– Не врешь?

Я помотала головой.

– Откуда сама, Адель?

– Из Хабаровска.

– Ну и как там у вас, в Хабаровске?

Я пожала плечами.

– Нормально.

– А чего ж приехала сюда?

Я опять пожала плечами.

– Так.

– Неразговорчивая ты.

– Может, я в душ?

– Да погоди ты. Надо же познакомиться сначала. Что мы, звери?

– Час двести долларов.

– Я учту, – сказал он. – И не противно тебе таким делом заниматься, Адель?

– Кушать-то надо.

Он взял со стола папку, раскрыл ее и некоторое время глядел внутрь, словно сверяясь с лежащей там инструкцией. Затем закрыл ее и положил на место.

– А где живешь? Снимаешь? – спросил он.

– Ну.

– И сколько вас в квартире, кроме мамочки? Пять? Десять?

– Когда как.

На этой стадии обычный развратник уже дошел бы до точки кипения. Похоже, и мой работодатель был от нее недалеко.

– Тебе семнадцать точно есть, детка? – спросил он.

– Есть, папашка, есть, – сказала я, поднимая на него глаза. – Семнадцать мгновений весны.

Это была провокативная реплика. Он заржал. Теперь мне снова следовало ограничиваться короткими смутными фразами. Но он, как оказалось, тоже умел быть провокативным.

– Хорошо, – сказал он. – Раз такой базар у нас пошел, пора представиться.

На стол передо мной легла раскрытая книжечка-удостоверение. Я внимательно прочитала написанное в ней, потом сличила его лицо с фотографией. На фотографии он был в кителе с погонами. Его звали Владимир Михайлович. Он был полковником ФСБ.

– Называй меня Михалыч, – сказал он и ухмыльнулся. – Так меня называют близкие люди. А мы, я надеюсь, сблизимся.

– Чем обязана, Михалыч? – спросила я.

– На тебя наш консультант пожаловался. Ты его вроде как обидела. Так что теперь придется искуплять. Или искупать. Не знаешь, как правильно?

* * *

У него была стереотипная внешность: волевой подбородок, стальные глаза, льняная челка. Но какая-то трапециедалность неблагоприятных пропорций делала это лицо похожим на западный типаж условного противника времен холодной войны. Киногерои такого рода обычно выпивали стакан водки, а затем закусывали стаканом, говоря сквозь хруст стекла, что это starinny russki obychai.

– Твою мать, – пробормотала я. – Субботник?

– Эй, – сказал он оскорбленно, – ты все-таки не путай ФСБ с ментами. Свои деньги ты получишь.

– Сколько вас? – спросила я усталым голосом.

– Один... Ну, максимум двое.

– А кто второй?

– Сейчас увидишь. Да ты не бойся, не обману.

Выдвинув ящик стола, он вынул из него коробку с разной медицинской всячиной –

баночками, ватой и упаковкой одноразовых шприцев. Один шприц был заряжен – из-за ярко-красного колпачка на игле он походил на сигарету, которой затягивались так яростно, что огонек растянулся во всю ее длину.

– Ширяться с вами не буду, – сказала я. – Даже и за пять тарифов.

– Дура, – сказал он весело, – да кто ж тебе даст?

– И деньги вперед. А то кто его знает, какой вы через полчаса будете.

– Вот, возьми, – сказал он и кинул мне конверт.

Представители российского среднего класса часто дают доллары в конверте – так же, как получают. Это волнует. Словно тебя подняли на колесе социального обозрения, чтобы показать заветные звенья экономического механизма Родины.. Я открыла конверт и пересчитала деньги. Там были обещанные три тарифа и еще пятьдесят долларов. Практически уровень «Националя». Таким клиентом следовало дорожить – или, во всяком случае, следовало делать вид, что дорожишь. Я очаровательно улыбнулась.

– Ладно, искуплять так искупать. Где ванна?

– Да подожди ты, – сказал он. – Успеешь. Сиди на месте.

– Я...

– Сиди на месте, – повторил он и принялся закатывать рукав.

– Вы сказали, еще второй будет. А где он?

– Да как уколюсь, так сразу и подойдет.

Надев на обнажившийся бицепс резинку, он несколько раз сжал-разжал кулак.

– Что колем? – хмуро поинтересовалась я.

Надо же мне было знать, к чему себя готовить.

– Едем по Каширке.

– Чего?

– Ширкаемся калькой, другими словами, – пояснил он.

Только тут я поняла, что в шприце был кетамин, он же калипсол, сильнейший психоделик, который в вену станет колоть только психопат или самоубийца.

– Что – внутривенно? – не поверила я.

Он кивнул. Мне стало страшно. Я терпеть не могла даже тех кетаминовых торчков, которые кололись внутримышечно. С ними от этих уколов происходило что-то очень мрачное. Они делались похожими на загробных троллей, придавленных вечным проклятием – вроде солдат призрачной армии из последнего «Властелина Колец». А этот собирался колоться внутривенно. Я даже не знала, что так делают. То есть я как раз знала, что нормальные люди так не делают. Второй жмур меньше чем за месяц мне совершенно точно не был нужен. Пора было сматываться.

– Так, давайте я вам деньги верну, – сказала я, – и разбежимся.

– А что такое?

– Вам хорошо, вы мертвый будете. А меня по судам затаскают. Пойду я.

– Я сказал, сидеть на месте?! – рявкнул Михалыч.

Встав, он подошел к двери, запер ее на ключ и спрятал его в карман.

– Встанешь – пожалеешь. Поняла?

Я кивнула. Он вернулся к столу, сел и достал из своей медицинской коробки странное устройство, похожее на дырокол советского дизайна. Устройство состояло из двух полукруглых пластин, соединенных простенькой механикой. На нижней пластине была большая присоска, а на верхней – выштампованная звездочка и инвентарный номер, как на пистолете. Михалыч свел пластины вместе, озабоченно лизнул присоску и прижал устройство к предплечью. Затем он вставил шприц в прорезь, осторожно ввел иглу в вену и сделал контроль – жидкость в шприце

окрасилась в темно-красный цвет. Тогда он тронул рычажок на странном устройстве, и оно громко затикало. Михалыч наморщился, как перед прыжком в воду, расставил ноги, чтобы они устойчивее упирались в пол, и до упора вдавил поршень в шприц.

Его тело почти сразу обмякло в кресле. Мне почему-то пришло в голову, что так уходили из жизни бонзы Третьего рейха. Я с тревогой слушала механическое тиканье – словно это была бомба, которая вот-вот взорвется. Через несколько секунд раздался щелчок, дырокол вместе со шприцем отскочил от его руки и упал на пол рядом с креслом. На локте Михалыча появилась маленькая капелька крови. Умно придумано, подумала я. И тут меня накрыло.

Хочу пояснить одну вещь. Я не могу читать мысли. И никто не может, потому что ничего похожего на отпечатанный текст ни у кого в голове нет. А ту непрекращающуюся мыслительную рябь, которая проходит по уму, мало кто способен заметить даже в себе. Поэтому читать чужие мысли – все равно что разбирать написанное по мутной воде вилами в руке сумасшедшего. Здесь я имею в виду не техническую трудность, а практическую ценность такой процедуры.

Но благодаря хвосту у лис часто случается своеобразный резонанс с чужим сознанием – особенно когда это чужое сознание совершает неожиданный кульбит. Это напоминает реакцию периферийного зрения на внезапное движение в полутьме. Мы видим короткую галлюцинацию, эдакий абстрактный компьютерный мультик. Пользы от такого контакта никакой, и большую часть времени наш ум просто отфильтровывает этот эффект – иначе невозможно было бы ездить в метро. Обычно он слаб, но принимаемые людьми наркотики его усиливают, поэтому мы терпеть не можем наркоманов.

При внутривенной инъекции кетамина с полковниками ФСБ творятся странные вещи. «Поездка по Каширке» была не метафорой, а довольно реалистичным описанием: хоть обмякшее тело Михалыча напоминало труп, его сознание неслось сквозь какой-то оранжевый туннель, заполненный призрачными формами, которые он умело огибал. Туннель постоянно разветвлялся в стороны, и Михалыч выбирал, куда ему свернуть. Это было похоже на бобслей – Михалыч управлял своим воображаемым полетом легкими, незаметными глазу поворотами ступней и ладоней, даже не поворотами, а просто микроскопическими напряжениями соответствующих мышц.

Я поняла, что эти оранжевые туннели были не только пространственными образованиями, они одновременно были информацией и волей. Весь мир превратился в огромную самовыполняющуюся программу вроде компьютерной, но такую, где hardware и software нельзя было разделить. Сам Михалыч тоже был элементом этой программы, но обладал свободой перемещения относительно других ее блоков. И его внимание двигалось по программе к самому ее началу, к люку, за которым пряталось что-то страшное. Влетев в последний оранжевый туннель, Михалыч приблизился к этому люку и решительно распахнул его. И то страшное, что было за ним, вырвалось на свободу и понеслось вверх – к свету дня, в комнату.

Я поглядела на Михалыча. Он оживал – но странно, нехорошо. Углы его рта подрагивали – на них выступили пятнышки не то слюны, не то пены, а из горла слышался звук, похожий на рычание. Рычание становилось все громче, затем тело Михалыча дернулось, выгнулось, и я почувствовала, что непонятная жуткая сила со дна его души через секунду вырвется на свободу. У меня не было времени на колебания – я схватила бутылку шампанского и с размаху ударила его по голове.

Внешне ничего особенного не произошло – Михалыч снова обмяк в кресле, а бутылка даже не разбилась. Но вот в его внутреннем измерении, с которым у меня до сих пор оставался контакт, случилось нечто удивительное. Сгусток злой силы, который рвался из его глубин наружу, потерял управление и врезался в сложную комбинацию мыслеформ, заполнявшую очередную туннель. Замелькали пульсирующие звезды и уходящие к горизонту полосы огня,

похожие на разметку бесконечной взлетной полосы. Это было ослепительно красиво и напоминало виденную мной в шестидесятые годы хронику катастрофы скоростного катера-тримарана: катер оторвался от воды, сделал медленно-задумчивую мертвую петлю и расшибся о поверхность озера в мелкие дребезги. Здесь произошло почти то же самое, только вместо катера в мелкие дребезги расшиблось озеро: призрачные конструкции, заполнявшие оранжевый туннель, распались на части и с мелодичным звоном разлетелись в стороны, затухая, сворачиваясь и исчезая. А затем и вся вселенная оранжевых туннелей погасла и пропала из виду, словно отключили освещавшее ее электричество. Остался только обмякший мужик в кресле и мелодичный звук, который повторялся и повторялся до тех пор, пока я не поняла, что это телефон.

Я взяла трубку.

– Михалыч? – спросил мужской голос.

– Михалыч не может подойти, – сказала я. – Он очень занят.

– Кто это?

Короткого и простого ответа на этот вопрос у меня не нашлось. Через несколько секунд тишины на том конце линии повесили трубку.

* * *

Надо было додуматься – переименовать КГБ. Такой брэнд пропал! KGB во всем мире знали. А теперь не всякий иностранец и поймет, что это такое – «FSB». Одна американская лесбиянка, которая снимала меня на уик-энд, все время путала «FSB» с «FSD». «FSD» – это «female sexual dysfunction», болезнь, которую придумали фармацевтические компании, чтобы запустить в производство женский аналог виагры. Секс-дисфункция у женщин, конечно, блеф: в женской сексуальности важны не столько физические аспекты, сколько контекст – свечи, шампанское, слова. А если уж совсем честно, важнейшим условием современного женского оргазма является высокий уровень материальной обеспеченности. Но это пилюлей не решишь – it's the economy, stupid [\[10\]](#). Впрочем, я отвлеклась.

Хоть название у КГБ поменялось, кадры остались прежними, суровыми и закаленными. Нормальный человек от такого удара бутылкой по голове надолго отбросил бы коньки. А Михалыч довольно быстро стал приходить в себя. Возможно, дело было в том, что он получил удар в измененном состоянии сознания – при этом трансформируются физические свойства организма, как может подтвердить любой алкоголик.

Я поняла, что он в сознании, когда попыталась вытащить ключ от двери у него из штанов. Склонившись над ним, я увидела, что он смотрит на меня из-под приоткрытых век. Я сразу отскочила. Меня напугало происходившее с ним после укола – такого я раньше не видела, и рисковать мне не хотелось.

– Телефон, – прошептал Михалыч.

– Что телефон?

– Кто... Кто...

– Кто звонил? – догадалась я. – Не знаю. Какой-то мужчина.

Он застонал. Удивительно. Нормального человека после такого удара по голове волновали бы вечные вопросы. А этот думал о телефонных звонках. Как писал Маяковский, «гвозди бы делать из этих людей, всем бы в России жилось веселей» (это он потом исправил на «крепче бы не было в мире гвоздей», а в черновике было именно так, сама видела).

– Дайте ключ, – сказала я, – мне идти надо.

– Подожди ты, – выдохнул Михалыч, – разговор.

– Я с торчками не разговариваю.

– Не рассуждай...

Он говорил с усилием, делая большие паузы – будто каждое предложение было высокой горой, с которой он несколько раз срывался за время штурма.

– Ну да, – сказала я обиженным тоном. – Не рассуждай. Люське вон тоже говорили – не рассуждай. А как клиент у нее на ветке сакуры помер, попала под следствие. Адвокат говорит – перитонит, несчастный случай. А следователь клеит прорыв прямой кишки, непредумышленное убийство. И надо еще три штуки занести, тогда будет непред-умышленное, а можно вообще налететь по полной... Давайте ключ, а то еще раз получите. И плевать, что вы из ФСБ. Мне ничего не будет, самозащита.

С этими словами я снова взялась за бутылку.

Он издал жутковатый звук – словно глубоко в омуте засмеялся водяной. Потом попытался что-то сказать, но получилось только:

– Сиди... Си...

– Слушайте, я последний раз по-хорошему прошу, – повторила я, – отдайте ключ!

– Сука, – сказал он неожиданно отчетливо.

Все-таки эти офицеры такие хамы. Не могут культурно поговорить с девушкой. Я занесла бутылку для удара, и тут дверь за моей спиной открылась.

На пороге стоял высокий молодой человек в темном плаще с поднятым воротом. Он был небрит, хмур и очень хорош собой – это я отметила без всякой личной вовлеченности, холодным взглядом художницы.

Немного портила его только надменно-гневная складка у губ. Она, однако, не вызывала к нему неприязни, а как бы устанавливала дистанцию. Впрочем, и со складкой он выглядел весьма и весьма привлекательно. Пожалуй, он чуть-чуть походил на молодого государя Александра Павловича – тот, помнится, тоже глядел волком в первые годы после восшествия на престол.

Меня поразило выражение его лица. Не знаю, как объяснить. Как если бы человек много лет жил с зубной болью и привык не обращать на нее внимания, хоть боль мучила его каждый день. Еще у него был запоминающийся взгляд: эти серо-желтые глаза отпечатывались на чужой сетчатке и глядели оттуда в душу еще несколько секунд. Самое же главное, мне показалось, что это лицо из прошлого. Похожих лиц было много вокруг в давние времена, когда люди верили в любовь и Бога, а потом такой тип почти исчез.

Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза.

– Хотела шампанским отпаивать, – пояснила я, ставя бутылку на стол.

Гость перевел взгляд на Михалыча.

– Никак дочку привез? – спросил он.

– Не, – прохрипел из своего кресла Михалыч и даже пошевелил рукой (видно, присутствие гостя помогло ему собраться с духом). – Не... Шмара...

– А, – сказал гость и снова поглядел на меня. – Это и есть... которая нашего консультанта обидела?

– Она.

– А с тобой что случилось?

– Шеф, – залопотал в ответ Михалыч, – зуб, шеф, зуб! Наркоз!

Молодой человек втянул носом воздух, и на его лице появилась неодобрительная гримаса.

– Тебе чего, кетаминот наркоз делали?

– Шеф, я...

– Или ты ветеринара вызывал уши обрезать?

– Шеф...

– Опять? Я понимаю, на объекте. Но здесь зачем? У нас был разговор на эту тему?

Михалыч опустил глаза. Молодой человек посмотрел на меня, мне показалось – с любопытством.

– Шеф, объясню, – заговорил Михалыч. – Честное...

Я физически чувствовала, каким усилием даются ему слова.

– Нет, Михалыч. Объяснять буду я, – сказал гость, взял со стола бутылку шампанского и изо всех сил ударил ею Михалыча по голове.

На этот раз бутылка лопнула, и гейзер белой пены окатил Михалыча с головы до ног. Я не сомневалась, что после такого удара он уже никогда не встанет с кресла – в человеческой анатомии я разбираюсь. Но, к моему изумлению, Михалыч помотал головой из стороны в сторону, будто алкаш, на которого вылили ведро воды. Потом поднял руку и вытер с лица брызги шампанского. Вместо того чтобы убить, этот удар привел его в чувство. Такого я раньше не видела никогда.

– В общем, так, – сказал молодой человек, – прими душ, потом садись на такси и езжай домой. Пусть тебе бульону дадут. Или крепкого чаю. А вообще, Михалыч, если по уму, то надо бы тебе прокапаться с релашкой.

Я не поняла, что значит эта фраза.

– Так точно, – сказал Михалыч, кое-как поднялся на ноги и поплелся в ванную, оставляя за собой дорожку из капель шампанского. Когда за ним закрылась дверь, молодой человек повернулся ко мне и улыбнулся.

– Здесь душно, – сказал он. – Позвольте проводить вас на свежий воздух.

Мне понравилось, что он заговорил со мной на «вы».

Мы вышли из квартиры другим путем. Как оказалось, стальной шест, который я видела в одной из комнат, вел на первый этаж. Похожие шесты встречаются в пожарных частях и go-go барах. По такому можно быстро соскользнуть вниз к большой красной машине и получить медаль «За отвагу на пожаре». А можно эротично потереться о него попкой и грудью и получить от зрителей несколько влажных банкнот. Вот сколько разных дорог открывает перед нами жизнь...

К счастью, сегодня мне не надо было делать ни первого, ни второго. Рядом с шестом оказалась узкая спиральная лестница – видимо, для менее срочных случаев. По ней мы и сошли вниз. Внизу был полутемный гараж, в котором стояла шикарная черная машина – «Майбах», самый настоящий. Таких, наверно, было в Москве всего несколько штук.

Остановившись возле машины, молодой человек поднял голову – так, что его нос оказался направленным на меня, – и с силой втянул воздух. Выглядело это диковато. Но вслед за этим на его лице изобразилось блаженство, просто даже какое-то умиление.

– Я хотел бы извиниться за случившееся, – сказал он, – и попросить вас об одолжении.

– Какого рода?

– Мне нужно подобрать подарок девушке примерно вашего возраста. Я сам не разбираюсь в дамской бижутерии и буду очень признателен за совет.

Секунду я колебалась. Вообще в таких ситуациях надо сматываться при первой возможности – но мне почему-то хотелось продолжить знакомство. И еще было интересно посмотреть на интерьер машины.

– Хорошо, – сказала я.

Но как только я села на переднее сиденье, я позабыла про интерьер – такое сильное впечатление произвел на меня пропуск на ветровом стекле.

Я давно заметила одну китчеватую тенденцию российской власти: она постоянно норовила

совпасть с величественной тенью имперской истории и культуры, как бы выписать себе дворянскую грамоту, удостоверяющую происхождение от славных корней – несмотря на то, что общего с прежней Россией у нее было столько же, сколько у каких-нибудь лангобардов, пасших коз среди руин Форума, с династией Флавиев. Автопропуск на стекле «Майбаха» оказался свежим образчиком жанра. На нем был золотой двуглавый орел, трехзначный номер и надпись:

Но знаешь, эта черная телега
имеет право всюду разъезжать.

А.С. Пушкин

Что тут сказать? Да, орел. Да, Пушкин. Но чувства причастности к судьбам великой страны, на которое рассчитывали криэйторы федеральной службы, не возникало. Наверно, дело было в неверном выборе эпохи для референций. Следовало обращаться не к имперским орлам, а к феодальным летописям. Там легче было найти маячки: Борис Большое Гнездо, Владимир Красная Корочка...

– О чем вы задумались?

– А? Я? – опомнилась я.

– Да, – сказал он. – Когда вы думаете, вы так трогательно морщите носик.

Мы уже выехали на улицу.

– Кстати, мы до сих пор не познакомились, – сказал он. – Александр. Можно Саша. Слышали про такого Сашу Белого? Ну а я – Саша Серый.

– Про Сашу Белого никогда не слышала. А вот Андрея Белого знала.

– Андрей Белый? – переспросил Александр с некоторым, как мне показалось, недоумением. – Впрочем, неважно. Как вас зовут?

– Адель.

– Адель? – спросил он, округлив глаза. – Вы не шутите?

Я отрицательно помотала головой.

– Невероятно. В моей жизни столько связано с этим именем! Вы даже представить себе не можете. Наша встреча – это судьба. Это совсем не просто так, что вы оказались в моей машине...

– У вас с собой нет вилки? – спросила я.

– Вилки? Зачем?

– Лапшу снимать. Которую вы мне на уши вешаете.

Он засмеялся.

– Вы не верите? Насчет Адели?

– Нет, – сказала я.

– Я могу объяснить, в чем дело. Если вам интересно.

– Интересно.

Мне правда было интересно.

– Вы знаете такую игру на «Playstation» – «Final Fantasy 8»?

Я отрицательно покачала головой.

– Я ее в свое время почти всю прошел – а это долгое дело. И перед самым концом в ней появилась волшебница Адель. Красивая такая, намного выше человеческого роста. Зрелищная анимация – она просыпается, открывает глаза, покрывается веером лучей, примерно как логотип студии «Universal», и летит в своем саркофаге на Землю.

– Откуда летит?

– С Луны.

– Угу. И чем все кончается?

– Я не знаю, – ответил он. – В том-то и дело. Я не смог ее победить. Всех остальных замочил, а ее – никак. Так игра и кончилась...

– Почему это вам так запомнилось? – спросила я. – Мало ли игр.

– Мне раньше все в жизни удавалось, – сказал он.

– Все-все?

Он кивнул.

– Ну да, – сказала я. – Конечно.

– Не верите?

– Почему? Верю. По машине видно.

Несколько секунд прошли в молчании. Я поглядела в окно. Мы подъезжали к началу Тверского бульвара.

– Новый ресторан, – сказала я. – «Палаццо Дукале». Вы там бывали?

Он кивнул.

– И кто там собирается?

– Да как обычно.

– А о чем там люди говорят?

Он на секунду задумался. Потом сказал карикатурным женским голосом:

– Как вы думаете, а Жечкову не страшно жить на даче наркома Ежова?

И тут же ответил себе таким же карикатурным басом:

– Что вы, это нарком Ежов в гробу обделается, что на его даче теперь живет Жечков...

– А кто это – Жечков? – спросила я.

Он поглядел на меня с подозрением. Видимо, Жечкова следовало знать. Надо будет посмотреть в интернете, подумала я.

– Я просто пример привожу, – сказал он. – Того, о чем там говорят.

Я вспомнила дачу Ежова, какой она была в тридцатых годах прошлого века. Мне нравились охранявшие вход гипсовые львы с шарами под лапами – морды у них были чуть виноватые, словно они чувствовали, что хозяина им не уберечь. Почти такой же лев стоял за тысячу лет до этого возле храма секты Хуаянь – только сделан он был из золота, а на боку у него была надпись, которую я до сих пор помню наизусть:

«Причина заблуждения живых существ в том, что они полагают, будто ложное можно отбросить, а истину можно постичь. Но когда постигаешь себя самого, ложное становится истинным, и нет никакой другой истины, которую надо постигать после этого».

Какие люди были тогда вокруг! А сейчас – разве способен кто-нибудь понять смысл этих слов? Все, все ушли в высшие миры. Даже из сострадания никто не хочет больше рождаться в этом адском лабиринте, и я брожу тут одна в потемках...

Мы затормозили у перекрестка.

– Скажите, Александр, а куда мы едем? – спросила я.

– Вы знаете здесь рядом какой-нибудь хороший ювелирный магазин? Я имею в виду действительно хороший?

Когда я вижу в дорогом бутике девушку с кавалером, который покупает ей брошку стоимостью в небольшой самолет, я каждый раз убеждаюсь, что человеческие самки создают миражи не хуже нас. А может, и лучше. Надо же, выдать сделанную из мяса машину для размножения за дивный весенний цветок, достойный драгоценной оправы, – и поддерживать эту иллюзию не минуты, как мы, а годы и десятилетия, и все это без всякого хвостоприкладства. Такое надо уметь. Видимо, у женщины, как у мобильного телефона, есть небольшая встроенная антенна.

Вот что говорят по этому поводу мои внутренние голоса:

1) раз женщина может выдать машину для размножения за дивный весенний цветок, женскую природу нельзя сводить только к деторождению: как минимум это еще и умение промывать мозги.

2) дивный весенний цветок по своей природе – такой же точно механизм для размножения и промывания мозгов, только мясо у него зеленого цвета, а мозги он промывает пчелам.

3) драгоценная оправка все равно не нужна никому, кроме женщины, так что глупо рассуждать о том, достойна она ее или нет.

4) у мобильных со встроенной антенной удобный корпус, но неважный прием, особенно в железобетонных зданиях.

5) у мобильных-раскладушек внешняя антенна есть, корпус из-за этого неудобный, а прием в железобетонных зданиях еще хуже.

Женщина – мирное существо и морочит только своего собственного самца, не трогая ни птичек, ни зверей. Поскольку она делает это во имя высшей биологической цели, то есть личного выживания, обман здесь простителен, и не наше лисье дело в это лезть. Но когда женатый мужчина, постоянно проживающий в навеянном подругой сне с элементами кошмара и готики, вдруг заявляет после кружки пива, что женщина – просто агрегат для рождения детей, это очень и очень смешно. Мужчина даже не понимает, как он при этом комичен. Я в данном случае не намекаю на графа Толстого, перед которым преклоняюсь, я говорю вообще.

Но я отвлеклась. Я только хотела сказать, что гипнотические способности женщины очевидны, и любой, у кого есть в этом сомнения, может развеять их, зайдя в магазин дорогих безделушек.

До последней минуты я не догадывалась, что Александр подбирает подарок мне. У меня просто не было повода для таких мыслей. Я предполагала, что ему нужно купить сувенир для какой-нибудь гламурной фифы, и со всей серьезностью давала ему советы. Поэтому я почувствовала себя на редкость глупо, когда в конце он протянул мне пакет с двумя небольшими футлярами, за которые только что заплатил. Я этого не ожидала. А лисы должны предвидеть действия человека – если не все, то хотя бы касающиеся лично нас. От этого зависит наше выживание.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)